

Елена
АРСЕНЬЕВА

Фигурки *страсти*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева
Фигурки страсти

«Автор»

2011

Арсеньева Е. А.

Фигурки страсти / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2011 — (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 978-5-699-47603-9

Как-то на французской ярмарке писательница Алена Дмитриева купила три простеньких браслета, причем самый симпатичный выхватила из-под носа другой покупательницы – странного вида бритой девицы. Два из них она дала поносить маленьким дочкам друзей. Одно из грошовых украшений похитили среди бела дня. Ерунда, конечно, но обидно. Малышка-крестница горько плачет – всего часик полюбовалась браслетиком, а потом его выцыганила у нее обманом лысая дама. Что ж, Алена и не такие преступления раскрывала! Она немедля пускается по следу наглой воровки. А след почему-то приводит в старинный замок Талле, где произошло куда более серьезное ограбление – исчез «летающий белый тигр» – древнекитайская фарфоровая статуэтка. Да еще и мертвое тело обнаружено, и первой на него наткнулась именно Алена!..

ISBN 978-5-699-47603-9

© Арсеньева Е. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Наши дни, Франция	6
Начало 20-х годов XX века, Россия	9
Наши дни, Франция	12
Вторая половина XIX века, Китай	15
Наши дни, Франция	18
Сказки дальних стран и далеких времен	23
Наши дни, Франция	25
Начало 20-х годов XX века, Россия	28
Наши дни, Франция	33
Вторая половина XIX века, Китай	38
Наши дни, Франция	41
Сказки дальних стран и далеких времен	44
Наши дни, Франция	46
Начало 20-х годов XX века, Россия	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Арсеньева

Фигурки страсти

*Орхидею нашел и склонился над ней,
Упоенный ее красотой.
Прихотлив тот, кто создал наш мир!
Прихотлив и умом изощрен.
Как хитер... как жесток...
Почему совместил он в создание одном
Несравненную эту красу лепестков
И коварство, подобное яду змеи, —
Аромат, отравляющий тех,
Кто приблизит лицо свое к лику цветка?!
... Умер я, красотой твоей наслаждаясь.
Я умер...*

Из старинной китайской поэзии

Пролог

Неотправленное письмо

Привет, нелюбимый!

Ах, как ты удивился... Верно? Ведь раньше я звала тебя совсем иначе — любимый. Но это мое прощальное письмо, и я наконец могу сказать тебе правду.

Итак, мне это удалось! Почти удалось. Но осталось ждать недолго — завтра все закончится. Не верю... Боюсь верить! И все-таки моя душа поет от счастья, мне нужно с кем-то поделиться своей невероятной удачей. Поделюсь с тобой. Ведь у меня нет ни друзей, ни подруг. Я никого не люблю. Я использую людей в собственных целях, хотя те уверены, что именно они используют меня.

Точно так же, как был уверен ты.

Я вернусь домой. Завтра. Все сделаю — и сразу в аэропорт. Сразу на самолет. Я брошу все и улечу отсюда свободной от всего того, что связывало меня с прошлой жизнью.

Я оставлю все. Всех. И тебя тоже.

Ну что же, ты это заслужил. Ты лгал мне каждым словом, каждым поступком, уверенный, что перед тобой маленькая простушка, которая верит твоим лживым глазам и лживым поцелуям.

Глупый мальчик. Глупый и самонадеянный. Тебе предстоит убедиться, что и ты, и все твои предшественники, те, кого я называла своими друзьями или любовниками, — не более чем ступеньки, по которым я долго и трудно поднималась к своей цели.

Я решила написать тебе. Написать и рассказать правду. Мне хочется причинить тебе боль — такую же, какую ты причинил бы мне, если бы я и в самом деле была той глупенькой влюбленной девчонкой, которой ты меня всегда считал...

Наши дни, Франция

«Раз, два, три, четыре... Десять, пятнадцать... Двадцать шесть... тридцать девять...»

– Господа, всех прошу перейти в малый салон.

«Сорок пять... пятьдесят три...»

– Господа, убедительная просьба – ничего не трогать, особенно обивку мебели и фарфор.

«Пятьдесят... шестьдесят... семьдесят... восемьдесят... восемьдесят три... Восемьдесят три!»

Ничего себе, аж шея замлела...

– Мадам, прошу, мы все вас ждем.

– Ах, извините!

Алёна так улыбнулась высокому, худощавому, невыносимо корректному гиду, что холодноватая вежливость на его лице сменилась некоей блаженной растерянностью. Да, она умела улыбаться этак вот... И всякому мужчине, ловившему такую ее улыбку, казалось, будто именно его, только его всю жизнь ждала эта прелестная женщина, всю жизнь она мечтала только о нем. Дураком был тот, кто сей улыбке верил, вот что я вам скажу, господа! Сойти с ума без малейшей надежды на выздоровление и, главное, не желать выздороветь. Ох, сколько проблем огребла Алёна Дмитриева из-за своего неконтролируемого обаяния!

Правда, порой на ее пути все же встречались адекватные представители мужского пола, твердо знающие, что первым делом – самолеты. И сегодняшний гид, похоже, принадлежал к их числу. Потому что не рухнул морально и физически к ногам русской писательницы Алёны Дмитриевой, а, подавив восхищенный вздох, быстро мобилизовался и сказал с легкой улыбкой:

– Прошу вас пройти вон туда. В малом салоне вы увидите великолепные образцы охотничьих натюрмортов, собиранием которых очень увлекался один из графов Талле. Поверьте, в своем роде они не менее интересны, чем эти рога.

И он окинул рукой вестибюль шато, сплошь, от пола до потолка, украшенный рогами оленей, косуль и разных прочих рогатых животных, которые водились в окрестных лесах и отстрелом которых развлекались в свободное время графы Талле, а также гости их сиятельств.

Писательница огляделась. Она одна задержалась в вестибюле, вся группа уже миновала его.

Алёна послушно прошла в малый салон, удивившись, что народу вроде бы гораздо больше, чем было во дворе, когда формировалась группа. Наверное, запоздавшие набежали. Она разглядывала людей, стараясь не смотреть на стены. Натюрмортов – а сочетание этих слов, *nature morte*, означает в переводе с французского не что иное, как мертвая природа... б-р-р! – наша героиня терпеть не могла, ну разве что за исключением тех, которые изображали изобилие роскошных цветов и фруктов. Живописание же убоины в стиле Вильяма ван Аелста или унылую изысканность «завтраков» Питера Класа на дух не переносила. Рога, украшающие вестибюль, тоже были, само собой, типичной *nature morte*. Однако Алёна ими вовсе не любовалась, как подумал гид, она их примитивно пересчитывала. И вот почему.

Давным-давно, еще в ту пору, когда одну шестую часть мировой суши занимало государство Советский Союз, Лена Володина – так изначально звали писательницу – смотрела какой-то польский фильм, жутко смелый по тем временам. Смелость, в частности, выражалась в том, что главный его герой появлялся перед камерой в плавках, плотно обтягивающих все его небольшое мужское достояние, и демонстрировал гостям свою квартиру, стены в которой были оклеены фотографиями мужчин, с женами коих сей молодчик наставлял им рога. И все фотографии были украшены нарисованными рогами! Так что сейчас, при взгляде на охотничьи трофеи семейства Талле, Алёна Дмитриева, дама довольно циничная, вспомнила тот фильм и нашла

некоторую аналогию с украшениями графского вестибюля. Но, надо сказать, их сиятельства явно перещеголяли польского донжуана: у того в активе имелось около тридцати рога носцев, а тут Алёна насчитала восемьдесят три пары рогов. С другой стороны, пан старался сам-один, а графы – поколениями!

Против ожидания, натюрморты в малом салоне оказались не очень противными. Не так много охотничьих трофеев, никаких тебе Аелстов, зато парочка подлинных – надо думать, графы Талле не потерпели бы в своем историческом великолепии подделки! – картин Бальтазара ван дер Аста с его пестрыми лилиями, и баснословными розами, и бесстыжими ирисами. Впрочем, наличествовали тут и полотна позднейших времен – вроде бы даже Клод Моне, чудесный, веселый, солнечный. Лучи так и играли в гранях хрустальной вазы, полной цветов, аж глаза слепили!

Гид между тем продолжал рассказывать об уникальных коллекциях картин и предметов искусства, которые были размещены в шато:

– Однако это увлечение началось сравнительно недавно, точнее – в восемнадцатом веке, когда Талле перешел из рук потомков неистового гугенота Франсуа Колиньи, брата знаменитого адмирала Гаспара Колиньи, убитого католиками во время Варфоломеевской ночи, к новым хозяевам. Они отнюдь не придерживались пуританских принципов в убранстве шато. А поскольку один из графов служил консулом Франции в Маньчжурии, Талле обогатился и коллекцией китайского фарфора: сервизами и статуэтками. Часть ее составил подарок императрицы Цыси, сделанный во время его службы в Китае. Некоторые из экспонатов одно время считались бесследно пропавшими, однако впоследствии коллекцию удалось частично восстановить. Впрочем, после скоропостижной смерти графа Эдуара Талле – не нынешнего, а его деда, того самого, который и был консулом, – коллекции не уделялось того внимания, которого она заслуживает. – В голосе гида прозвучало нескрываемое неодобрение. – Самые любопытные экспонаты хранятся в выставочной комнате, а копии вы увидите в туалетной комнате при парадной спальне.

– В туалетной комнате?! – низким голосом, еще более отягощенным ужасным акцентом, удивленно воскликнула высоченная костистая дама с ярко-рыжими волосами, пунцовыми губами, в красном платье. У нее были сплошь веснушчатые лицо, шея и руки, а также, вполне возможно, и ноги, однако их милосердно скрывало длинное платье, вернее, такой индийский, очень красивый балахон, оставляя на виду только острые носы туфель очень даже немаленького размера.

– Это помещение предназначено не для пользования, а только для демонстрации туристам, – пояснил гид. – Оно замечательно тем, что в точности копирует туалетную комнату королевы Марии-Антуанетты, в числе фрейлин которой была одна из графинь Талле.

Алёна при упоминании о королеве встrepенулась.

Не далее как минувшей зимой при самом непосредственном участии нашей героини было обнаружено личное письмо этой самой королевы. Российская сторона пока не собиралась возвращать уникальный документ Французской республике, не то, очень может быть, писательница Дмитриева удостоилась бы даже ордена Почетного легиона за спасение национальной реликвии.

А что? Не так плохо было бы занять этот орден! Среди его кавалеров около семидесяти человек, более или менее могущих называться русскими. В их числе, к слову, презираемый Пушкиным, Лермонтовым и иже с ними – не факт, что заслуженно, скорее, вероятно, из творческой зависти к дикой популярности романа «Иван Выжигин», – загадочный человек по имени Фаддей Венедиктович Булгарин: бывший солдат армии Наполеона, тайный агент Третьего отделения корпуса жандармов, один из первых русских писателей-фантастов (Булгарина можно считать изобретателем путешествия во времени, подводных ферм, парашютно-десантных войск, субмарин – задолго до Жюль Верна! – а также самописцев, акваланга и гидроко-

стюма). Орденом Почетного легиона, среди прочих русских, были награждены и княгиня Вера Оболенская – героиня французского Сопротивления, более известная как Вики Оболенская (к ней писательница Дмитриева питала особый интерес, ну просто как женщина к женщине), и Зиновий Пешков, приемный сын Максима Горького, в честь которого – Максима, а не Зиновия! – был в советские времена назван родной город Алёны Дмитриевой, ныне именуемый жителями попросту Нижний Горький. Между прочим, там есть маленькая площадь Свердлова, а большевик Яков Свердлов (кстати, он такой же, Свердлов, как Алёна Дмитриева – китайский поэт Ли Бо) был младшим братом вышеупомянутого Зиновия. Вот такие сложные семейные связи бытовали в революционно-писательской среде начала минувшего столетия!

Это все к чему сказано? Да к тому, что не худо было бы украсить список кавалеров ордена Почетного легиона именем прекрасной дамы – Алёны Дмитриевой. Однако минуточку! А как бы ее называли тогда? Тоже кавалером? Или все же дамой Почетного легиона?

Очень красиво звучит. Только несколько фривольно и двусмысленно.

Или все же каждый понимает вещи согласно своей испорченности?

Начало 20-х годов XX века, Россия

Из дневников и писем графа Эдуара Талле

Сегодня нашел наконец в себе силы проверить, что у нас осталось. Два дня мы с Шарлотт пребывали в кошмарном состоянии – не могли даже чемоданы открыть. Она говорила, что не испытывала такого потрясения с того самого дня, когда в ветку цветущего шиповника рядом с ее головой вонзилась стрелка, от которой почернел цветок, – отравленная стрелка! Больше десяти лет прошло с тех пор, пережитые ужасы начали забываться, и мы были уже на пути домой. Казалось, вот-вот – и уедем из обезумевшей страны, в которую вдруг превратилась Россия. Однако всему этому нет конца, а ведь мы уже добрались из Владивостока до Петербурга, и до Франции осталось не так уж далеко.

Шарлотт приходила в себя, лежала в постели, а я обивал пороги в ЧК, пытаюсь воззвать к тому подобию власти, которая теперь управляет сей несчастной страной. Ни подобия власти, ни подобия порядка не нашел. И это притом, что к советским санкюлотам обращался иностранец, десять лет содействовавший укреплению отношений Франции и России, да еще в таком трудном для жизни, богом забытом уголке, как русский Дальний Восток! Но теперь тот край не часть России, а отдельная Дальневосточная республика, и всем наплевать на тех, кто откуда приезжает. В Петрограде сейчас всем на все наплевать. Тут ищут врагов революции, ищут в каждом встречном и поперечном, а кругом царят голод, нищета, разруха, и я видел, что на меня смотрят как на безумного, потому что я говорил, что у меня украли не хлеб, не муку, не бидон с маслом или керосином, а какие-то глиняные черепки, как выразился человек на Гороховой улице¹, порог кабинета которого я обивал. Вместе со мной тот же порог обивали десятки человек, несчастных, обездоленных, напуганных, ничего не понимающих, – какие-то старики и старухи, женщины, а при них дети с ничего не видящими от ужаса глазами. Но это только у некоторых. У многих же в глазах таилась такая ненависть, что мне становилось страшно за них. Они потеряли все, а потому ненавидели всех, кто у них это отнял, и еще не боялись смерти. Только старики ее боялись, а эти юнцы с трудом сдерживали себя, чтобы не рвать руками и зубами новую власть, кроваво-красную, как демон Чжун Куй – в Китае его рисовали красной краской на дверях, и он был демоном-охранником. Так же и здешние красные демоны, слуги новой власти, охраняли всех в огромной и страшной каторжной тюрьме, в которую вдруг превратилась Россия.

Думаю, я никогда не забуду их лиц. Того бледного мальчика, которого повергло в припадок эпилепсии известие о расстреле его отца. Ту изящную брюнетку с растрепанными, коротко остриженными волосами, которую провели в кабинет начальника с таким издевательским почтением, что у меня руки чесались отвесить ее сопровождавшим пощечину (конечно, ничего подобного я не сделал – два матроса с винтовками зорко смотрели по сторонам). Того почтенного господина с тонким, породистым лицом, одетого в бархатный халат – видимо, его привезли в том, в чем мужчина был при аресте, но и в халате он выглядел как настоящий аристо...²

Но я постараюсь их забыть. И они, наверное, забудут все случившееся... если переживут это время, которое, от души надеюсь, скоро минует. В конце концов, Франция тоже перенесла столь же безумный период – и ничего, все нормализовалось, даже не всю аристократию успели

---

¹ В описываемое время на Гороховой в Петербурге размещалась Чрезвычайная комиссия. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

² Во времена Французской революции так именовали аристократов – *aristo*, сокращенно от *aristocrate*.

повесить на фонарях и отправить на гильотину. В большинстве городов, правда, поотрубали головы статуям святых около соборов и церквей, но в Талле ничего не тронули...

Боже, как я мечтаю вернуться домой! Двадцать лет назад, когда я был одержим манией повидать мир, утвердиться, жить отдельно от семьи, с которой был в постоянных распрях, я был счастлив уехать в Китай. И даже после того, как мы с Шарлотт бежали оттуда, я не собирался возвращаться во Францию. Мне было гораздо интересней работать в консульствах, видеть иные страны, изучать незнакомые обычаи, чем все гулять и гулять по Бургундии, смотреть и смотреть на серые стены шато Талле, видеть свое отражение в зеленой, наполовину затянутой ряской воде, окружающей его стены, снова и снова бродить по Grand Galerie и смотреть на фрески в Башне Лиги, каждую линию в которых я знал наизусть. Да, я мог бы и сейчас сказать, куда смотрит лицо Дианы де Пуатье и каким выражением наполнены глаза Екатерины Медичи, королевы-отравительницы... Тогда мне казалось: все это знакомо, привычно, а далекий мир полон загадок, и надо попытаться их разгадать... Не знаю, удалось ли мне что-нибудь разгадать, но, даже если удалось, сейчас мне ничто уже не интересно.

Теперь я думаю только о Талле. Беспрестанно – о Талле.

Я хочу вернуться туда. Пройти по залам и комнатам шато. Зайти в конюшню и самому оседлать для себя одного из скакунов. Ах, давно стали старыми одрами те жеребята, которых любил покупать отец, чтобы выезжать и выращивать их самостоятельно... Я хочу смотреть на натюрморты в залах первого этажа и видеть, как солнце дробится в гранях хрустальной вазы кисти Моне. Отец писал мне, что рядом повесил мой натюрморт с белыми пионами и одним из подарков Цыси, статуэткой, которая называется «Летающий белый тигр»...

Я обещал привезти ту самую статуэтку домой. И ту вазу – тоже. Но отец – мы помирились заочно, в письмах, простили друг друга и вновь обрели любовь друг к другу – не увидит их: сегодня, когда мы с Шарлотт пересмотрели коллекцию, я обнаружил, что статуэтка пропала. И он не узнает, что я в очередной раз нарушил обещание, – отец умер пять лет назад.

Когда-то, в далекие годы, когда я со скандалом уезжал из Талле, он кричал мне вслед, что я обманул его надежды, его ожидания, что ни одному моему слову верить нельзя... И вот я опять солгал. Талле не обогатится уникальным экспонатом – подарком императрицы Цыси, статуэткой, которая, по легенде, вышла из рук одного из возлюбленных Серебряной Фей...

Иногда приходят в голову подозрения: а что, если тот оборванец, который схватил два наших чемодана, знал, что находится в одном из них? Мне показалось или он сознательно отшвырнул ногой саквояж Шарлотт, который та от испуга выронила и схватить который было куда проще, чем два чемодана, лежащие на тележке носильщика?

Да нет, чепуха. Даже я смутно помнил, в котором именно лежит «Летающий белый тигр», ведь Мин-хао упаковывал его семь месяцев назад – именно столько длился наш путь по разоренной России. Конечно, морем через Америку мы добрались бы проще и быстрее, но до Америки мы не доплыли бы, я в этом ничуть не сомневаюсь, я верю Мин-хао. Нас убили бы раньше... может быть, мы не добрались бы даже и до парохода... нас убили бы еще во Владивостоке и швырнули бы в море где-нибудь в бухте Золотой Рог... Именно поэтому мы отправились тем путем, который казался на первый взгляд самым трудным, опасным, невероятным: по суше, по остаткам железной дороги, по лесным тропам и проселкам. Это невероятно, но мы добрались-таки до Петербурга, потратив невероятное количество денег, зато – со всем своим багажом. Мне не было жаль тех бумажек, которые в несметном количестве печатает любое правительство, приходящее к власти, и не было жаль тех заранее собранных, купленных золотых монет царской чеканки, которые и спасли нам жизнь в этом путешествии. Мне не будет жаль того, что мы еще потратим, чтобы добраться до Франции. Нет ничего дороже жизни – жизни моей жены и моего сына. Какое счастье, что Альбер уже дома! Какое счастье, что мы отправили его во Францию пять лет назад! Но тогда мы думали, что те, кто преследовал нас, оставили эту цель...

А что, если они-то и настигли нас? И именно их руками был украден чемодан с коллекцией?

Нет, повторяю: мы с Шарлотт и сами не могли вспомнить, куда именно положили шкапулку с фигурками. Произошла просто случайность, одна из тех нелепых случайностей, которые преследуют людей – и иногда настигают их, чтобы ударить или даже убить.

Но мы-то хотя бы остались живы!

Я размышляю: не махнуть ли рукой на дальнейшие поиски, на попытки вернуть вещи? Не перестать ли дразнить форуну? Она была к нам благосклонна, но вдруг ей надоест опекать нас? Может, лучше уехать из Петрограда ближайшим поездом до Киева... потом дальше... Говорят, это возможно! Ходят также пароходы в финские порты, а оттуда добраться до Парижа уже не составит труда. В ЧК, хоть и отнесли с насмешкой к моим потерям, обещали не задерживать с выездом...

Да, решено. Сегодня же скажу Шарлотт, что мы уезжаем. И как можно скорей. Завтра же начнем хлопотать...

Наши дни, Франция

– Прошу теперь в малую столовую, – пригласил гид, пропуская мимо себя туристов и с легкой обеспокоенностью оглядываясь на Алёну. Наверное, проверял, не считает ли она что-нибудь еще.

Она не считала. Просто рассматривала еще один натюрморт, подписанный именем некоего Эдуара Талле и называющийся «La nature morte avec le tigre volant blanc» – «Натюрморт с летящим белым тигром». На картине был изображен букет белых пионов – чрезмерно роскошных, как бы усталых от собственной красоты и пышности и уже роняющих отливающие перламутром лепестки. Букет раскинулся в просторной белой вазе с изображением необычайно красивой китаянки в синих одеждах и с высокой прической, держащей в руке изящный жезл. Рядом с вазой, на темном резном столике, стояла маленькая статуэтка. Один из опавших пионовых лепестков целомудренно ее прикрывал, однако все же легко можно было разглядеть, что статуэтка запечатлела пару в любовной позе: женщина лежит вниз лицом, мужчина совокупляется с ней, стоя на коленях меж ее раздвинутых ног.

«Э-э... впечатляет, конечно. А где же тигр? Или это сорт пионов так называется? Надо спросить у гида», – подумала Алёна.

Рядом выразительно хмыкнули, и наша героиня, повернув голову, увидела невысокого и какого-то очень тонкого молодого человека с разлохмаченными, довольно длинными черными волосами, облаченного во все черное. На нем были просторная рубашка-балахон с такими длинными рукавами, что они почти полностью закрывали кисти рук, черная жилетка, черные джинсы, черные мокасины. А в придачу на лице незнакомца черные изящные усики над тонкими – не черными, но все же очень темными – губами. Да и глаза за решеткой очень черных длинных, сейчас опущенных ресниц тоже, надо полагать, были черными. Кроме того, Алёна обратила внимание, что и на его коротких, но ухоженных ногтях лежит черный лак. Да еще узкое запястье оказалось плотно оковано тяжелым серебряным браслетом с вкраплениями черной смальты.

Ёлы-палы, как говорит один ее знакомый из Нижнего Горького... И по-другому ведь не скажешь! Во-первых, браслет явно жутко дорогой – самый писк моды. Во-вторых, мужчин с браслетами не так часто встретишь. Стоп! А с ногтями, покрытыми черным лаком, – часто?

Экое же декадентское создание!

Гид смотрел на «декадентское создание» как-то очень странно – не то с грустью, не то с отвращением. И ничего удивительного, Алёна смотрела на незнакомца примерно так же.

Нормальная реакция нормальных натуралов!

В это время молодой человек обернулся и взглянул на Алёну. Глаза у него и впрямь были черные, огромные, непроницаемые.

Интересно, юноша догадался, о чем Алёна с гидом подумали?

Ей стало неловко, и она быстренько спросила:

– А кто автор картины?

– Он не принадлежит к числу известных художников, – ответил гид. – Его имя Эдуар Талле. Именно о графе Эдуаре я упоминал, говоря, что один из представителей фамилии служил в начале двадцатого века консулом в Маньчжурии.

– Не знаю, какой из него был консул, а вот художник он прекрасный, – сказала Алёна. – Великолепные пионы, прямо как живые! И прелестный рисунок на вазе...

– Это легендарная красавица китайской мифологии, Серебряная Фей, или Дева Фей, как ее иногда называют, – пояснил гид. – Считается также, что статуэтки, подобные той, которая стоит рядом с вазой, изображают ее и ее многочисленных любовников. Согласно легендам,

именно она научила мужчин и женщин предаваться плотской любви не только ради продления рода, но и для удовольствия.

– Вот именно, – пробормотал молодой человек меланхолично.

Гид почему-то побагровел и насупился.

Молодой человек прошел мимо него в соседнюю комнату, присоединился к группе туристов, точнее, к той даме в красном, на которую Алёна уже обращала внимание, и что-то быстро сказал ей. Женщина оглянулась, словно хотела выйти, но молодой человек поймал ее за руку и остановил. Гид, пропустив вперед Алёну, уже прикрыл дверь и начал рассказ о малой столовой шато.

Была она примечательна прежде всего тем, что здесь некогда обедал знаменитый адмирал Гаспар Колиньи, однажды посетивший замок своего брата Франсуа. Кроме того, всем своим готическим убранством столовая сильно напоминала дворцовый тронный зал – если угодно, тоже малый.

На стене от пола до потолка висела карта Парижа конца XVI века. Как раз эпоха, когда произошла Варфоломеевская ночь!

Алёна подошла ближе. Совсем небольшим городом, оказывается, был тогда Париж! Сейчас он, конечно, значительно разросся, многое перестроено. Кольцо бульваров, созданное архитектором Османом, сделало его неузнаваемым, однако Латинский квартал, остров Сите и прилегающие к Лувру улицы не изменились. Вот знаменитое предместье Сент-Оноре, вот не менее знаменитое Сен-Жермен, вот один из старейших мостов Парижа – Сен-Мишель, ведущий к острову Сите, а вот Пон-Неф, кажется, еще более старый, а может быть, и нет. Наверное, самый старый – мост Менял, построенный еще в девятом веке... Хотя нет, старейший – Малый мост, его длина всего тридцать два метра, и он соединял берега Сены, как пишут в путеводителях, еще в те времена, когда Юлий Цезарь завоевывал Галлию. А вот мост Турнель, в ту пору еще деревянный, за проезд по нему взималась плата – сколько-то там дублонов. Какое красивое слово – дублон! И какая замечательная карта! Дома у Алёны имелась похожая, правда, значительно меньшего размера: изображение Нижнего Горького начала XIX века. Так интересно находить на ней дома, которые существуют и теперь!

Писательница подошла ближе к карте, вчитываясь в названия улиц, и нахмурилась, увидев какие-то каракули, нарисованные красным фломастером как раз посреди моста Сен-Мишель. Вроде бы сердечко, а в нем буквы... Что за непутевый турист распустил свои шаловливые ручонки и испортил такое сокровище?! Причем мост находился не так чтобы низко, нужно было еще дотянуться, чтобы на нем знак поставить! А может, мелкий пакостник даже становился ногами на раритетный стул, чтобы достать до моста Сен-Мишель? Дался же ему именно этот мост!

Алёна осуждающе покачала головой и огляделась.

Как ни странно, карта никого, кроме нее, не заинтересовала. Экскурсенты теснились вокруг закрытых стеклянных горок. Что и говорить, такое столовое серебро надо держать крепко запертым! Алёна обратила внимание, что почти каждый турист украдкой подергал дверцы. Забавно, тут клептоманы собрались, что ли? Или просто любители прикоснуться ко всему, на чем ощущается незримое музейное клеймо: *«Руками не трогать!»*?

Однако и в самом деле запретное притягательно. Вот ведь и сама наша героиня не удержалась – взяла да и приподняла зачем-то крышку невероятно красивого музыкального ящика, тоже напоминающего готический дворец и втиснутого на не больно-то почетное место – за дверью. Приоткрыла – и замерла от возмущения: между гофрированными складками мехов был втиснут клочок лиловой бумаги, оказавшийся билетом на автобус Roissy Bus, который курсировал между центром Парижа, площадью Опер'а, и аэропортом Шарль де Голль.

Ну и ну, ну и народ... Некуда больше выбросить мусор, что ли? Конечно, урн тут поблизости не просматривается, но неужели несчастная бумажка так уж жгла кому-то карман, что нельзя было ее еще немножко поносить с собой и выбросить потом в более подходящем месте?!

Алёна торопливо выдернула билетик и закрыла крышку антикварного изделия. Очень вовремя – гид уже приглашал пройти в соседнюю комнату и заботливо оборачивался к Алёне – готова ли она?

Вторая половина XIX века, Китай

– Ее родителям, наверное, горные демоны разум помutilи, если те решили назвать это отродье Лан Эр. Какое имя, какое прекрасное имя – Орхидея! Но какая же она орхидея? Так себе, маньчжурский репейник. И до чего убогое княжество – Ехэ. Сочетание слов «Лан Эр Ехэнара», орхидея из Ехэ, просто оскорбляет мой слух! Конечно, отец ее – маньчжурский мандарин, но что такое вообще – Маньчжурия? Жалкая провинция с непомерным самомнением. И каждая девка считает себя красавицей, хотя и смотреть-то не на что.

– Зачем же ты прихватил девушку с собой, если тебе ничего в ней не нравится?

– А что мне оставалось делать? Поездка не удалась – ни одной красавицы не везем императору. Эта девчонка хотя бы свежа и не так уж безобразно толста, как все деревенские красотки. И ножки у нее маленькие, хотя их и не бинтовали, как положено, – варвары-маньчжуры не приемлют изысканных обрядов Поднебесной. И строение «пещеры наслаждений» у нее правильное, повивальная бабка проверила... А потом, ты же видел: девчонка сама хотела, чтобы мы ее заметили. Невежественные, дикие маньчжуры попрытали от нас своих дочерей. Некоторые из их «красоток» даже специально себя уродовали, хотя и так невзрачны. Как будто невесть какое горе, невесть какое бесчестие – попасть в число наложниц Сына Неба! А эта девка вылезла вперед: мол, вот она я, поглядите на меня!

– Зря старалась, дурочка, – глядеть особо не на что. Ничего у нее не выйдет, не понравится новая наложница императору. А с другой стороны, ну что у них за жизнь, у бедняжек, в нашем Запретном городе? Император один, наложниц у него бесчисленное количество. Целая жизнь пройти может, а Сын Неба ни разу не призовет к себе, так и состарятся, зачахнут...

– Ну что ж, на сей предмет и существует Палата Важных дел³. Там за очередью следят, чтобы каждой счастье выпало, чтобы к каждой император изволил войти.

– Император изволил? Да как же он может *изволить*, когда ему надо разрешение супруги получить? Письменное, с печатью – для каждого раза...

– Ну, ради девчонки, которую мы сегодня привезли, разрешение и брать-то не стоит. Не заслуживает она того, чтобы Сын Неба изливал в ее чрево драгоценное семя драконов!⁴

Старый опытный евнух как в воду смотрел... Честолюбивая девчонка, которая нарочно постаралась попасться на глаза императорским посланцам, приехавшим в маньчжурское селение за юными красавицами, просчиталась.

Ну да, Лан Эр думала, что главное – оказаться во дворце, а уж там-то все пойдет как по маслу. И вот оказалась она во дворце... всего лишь одной из многих.

Три тысячи наложниц и три тысячи евнухов жили здесь. Рассказывали, будто спальню императора посещали десять любовниц в день. Но это были только слухи. Сяньфэн был даосом и берег свое здоровье от избытка наслаждений. Все хорошо в меру. Не более одной женщины за ночь, потому что женщина не должна отнимать у мужчины силу – она должна даровать ему здоровье!

Совершенно как в мудрых старинных стихах:

Тысячу двести наложниц
Имел в гареме
Желтый император.

³ Так называлась особая контора при китайских императорских дворах, которая регистрировала и регламентировала интимную жизнь Сына Неба, государя, и его окружения.

⁴ Императоры Китая исчисляли свою родословную от божественного Дракона – священного существа китайской мифологии.

Он знал секрет
Совокупленья,
Который отдает мужчине
Жизненную силу женщины.

Желтый император
Взял жизненную силу
Всех своих наложниц.
И, обрета бессмертие,
Умчался на небеса
На желтом драконе.

У императора Сянфэна, имевшего от рождения имя Ичжу, были одна жена-императрица, одна «императорская драгоценная наложница», или хуан гуй Фей; две обычные «драгоценные наложницы» – гуй Фей; четыре обычные наложницы, называвшиеся просто Фей; шесть конкубин, или бинь, то есть сожительниц. А все остальные – бесчисленное количество «дам для услуг» разных рангов. Ранги именовались так: «драгоценные люди» – гуй жень, «постоянно находящиеся» и, наконец, «отвечающие согласием» (правда, никому и в голову не могло бы прийти, что они вдруг согласием не ответят). Последние являлись низшим рангом наложниц, и именно к этому рангу была причислена Лан Эр. Потому что не настоящая красавица – ножки-то не перебинтованы!

А вот, кстати, о ножках. Китайским девочкам начиная с пяти лет, бинтовали ноги так, что ступня не могла расти. Пальцы загибались внутрь, кости плюсны выгибались дугой, и ступня превращалась в «копытце». Причем идеальными по размеру ножки считались, когда длина основания ступни не превышала трех дюймов – примерно семи с половиной сантиметров. Ходить на таких ножках без специальной обуви было невозможно, дама так и клонилась из стороны в сторону, словно тростник под ветром, передвигаясь маленькими шажочками. Иногда красавица вовсе не могла ходить, что еще более подчеркивало ее изысканность: стало быть, ее следует носить в паланкине. Впрочем, в глазах мужчин это лишь прибавляло женщине очарования. Перебинтованные ножки назывались «Золотистые Лилии» или «Золотистые Лотосы». А занятие любовью именовалось «Прогулкой меж Золотистых Лилий».

Рассказывают, что у одного из императоров династии Тан была наложница по имени Яо Нян. Император повелел ювелирам сделать золотой лотос высотой в шесть футов. Внутри цветок был выложен нефритом и украшен драгоценными камнями. Яо Нян приказано было туго забинтовать ноги, придав им форму молодого месяца, и в таком виде танцевать внутри цветка. Говорили, что танцующая Яо Нян была столь необыкновенно легка и грациозна, что, казалось, скользила по цветку. Так, по преданию, танцевала сама Серебряная Фей, волшебная красавица, та, что научила мужчин и женщин встречаться на ложе не только ради продолжения рода, но и ради восторгов сладострастия... Восхищенный император повелел отныне бинтовать ножки всем красавицам, а в названиях их рангов появилось слово «Фей».

Конечно, император Сянфэн посещал не только хуан гуй Фей, гуй Фей или просто Фей. Он любил разнообразие и порою устаивал своим вниманием новеньких. И как-то раз увидел в списке девушек низшего ранга красивое имя – Лан Эр.

Какой же китаец не любит орхидей? Сколько стихов посвящали восхитительному цветку поэты дней минувших и поэты, ныне живущие! Ну вот хотя бы это:

Орхидею нашел и склонился над ней,
Упоенный ее красотой.
Прихотлив тот, кто создал наш мир!

Прихотлив и умом изощрен...

И вот из дворца Сына Неба в Запретный двор пришло распоряжение насчет Лан Эр. Орхидею из Маньчжурии принялись готовить к августейшей ночи. Ее хорошенько помыли, умастили благовониями, а потом, не одевая, завернули в покрывало из пуха цапли (цапля издревле считалась символом чистых намерений). Появился евнух для особых поручений (поручения эти состояли в том, чтобы приносить девушек на ложе Сына Неба). Евнух взвалил Лан Эр, завернутую в покрывало из пуха цапли, на спину и понес в спальный дворец, где осторожно опустил на императорскую постель.

Император уже возлежал на ложе. Таков был обряд – ожидать женщину в постели. Лан Эр скользнула к нему под одеяло – и замерла от страха... Так, не шевелясь, и пролежала все время, пока ею владел Сын Неба.

Все закончилось очень быстро – так быстро, что Главноуправляющий Палаты Важных дел, который вместе с евнухом, принесшим Лан Эр, ожидал окончания постельной церемонии в соседней комнате, даже не успели крикнуть: «Время пришло!»

Да, был такой обычай: если наложница задерживалась в опочивальне надолго, Главноуправляющий, заботясь о том, чтобы император не перетрутился, обязан был прокричать: «Время пришло!»

Не откликнется Сын Неба в первый раз – кричи еще. Не откликнется и теперь – кричи в третий раз. Ну а на третий раз государь просто обязан был отозваться, как бы ни был увлечен «прогулкой меж Золотистых Лилий». Иначе какой же он даос, если не в силах в любое мгновение воспротивиться наслаждению?!

Услышав отклик императора, Главноуправляющий и евнух входили. Главноуправляющий вставал на колени возле постели и спрашивал: «Оставить или нет?»

Вопрос означал, оставить ли в лоне женщины драгоценное семя государя, достойна ли она такого счастья, как понести от Сына Неба. Если ответ был отрицательным, Главноуправляющий нажимал на живот женщины так, что все «семя драконов» выливалось из нее. Если же император повелевал семя в даме оставить, то в специальный журнал заносилось, что такого-то числа государь осчастливил такую-то. То есть, если зачатие происходило, оно фиксировалось с точностью до часа (ведь жители Поднебесной ведут отсчет своего дня рождения с момента зачатия, так что все китайцы как бы на девять месяцев старше европейцев). После чего женщину снова заворачивали в пуховое покрывало, и евнух ее относил в ее обычные апартаменты.

Лан Эр не повезло – Сяньфэн остался недоволен ею: недра «драгоценной яшмовой пещеры» наложницы оказались столь тесны, что первые же движения его «нефритового жезла» привели к извержению. А это примитивно, это достойно только крестьян! Девчонка не умеет длить любовь, не способна наслаждаться сама и услаждать мужчину – зачем императору такая наложница?

«Семя драконов» было из нее выдавлено, но в утешение император подарил ей крохотные жемчужные сережки – по две для каждого ушка. Лан Эр дала себе клятву носить их не снимая.

На счастье Лан Эр, древний дворцовый обычай не велел изгонять из дворца женщину, к которой хоть один раз прикоснулся император. Так тоже велось со времен Серебряной Фей: люди однажды прогнали ее от себя и были за это жестоко наказаны. Во искупление бывших ошибок всех наложниц держали при дворе до смерти. Лан Эр поселили на отшибе Запретного двора, в домике, который назывался «Тень платанов», – и забыли надолго.

Наши дни, Франция

Хорошо, что гид не видел, как Алёна шарила в музыкальном ящике, а то небось решил бы, что она и сунула в его антикварные, может быть, даже средневековые недра билетик.

Да, вот такое невезение преследовало ее всю жизнь. Почему-то еще в школе, в случае какой-нибудь неприятности, учителя первым делом смотрели на Лену Володину, как наша героиня звалась во времена своего детства... А представители внутренних органов разных стран (и внешних тоже!) немедленно начинали именно писательницу-детективщицу Дмитриеву подозревать во всяких противоправных деяниях. Что-то в ней было такое... Склонность к авантюрам всяческого рода, от любовных до межгосударственных, вот что это было такое. И проницательный взор профессионалов улавливал данную склонность мгновенно.

Но сейчас ничего противоправного она не совершила, напротив, навела порядок. Однако на воре шапка горит при любых обстоятельствах, поэтому Алёна приняла самый благонадежный вид и торопливо проскользнула в соседнюю комнату, оказавшуюся парадной спальней, и торопливо окинула взглядом группу экскурсантов. Интересно, кто из них напакостил в музыкальном ящике? Та рыжая женщина в красном платье? Или черненький молчел с черными ногтями? Стоя рядом, они напомнили ей даму и валета из карточной колоды. Красная дама, черный валет...

И Алёна, которая обожала импровизировать, мигом сложила стишок:

Красная дама, черный валет
Вместе готовят роскошный обед.
Ведь от тайги до британских морей
Нет не любящих покушать людей!

Бред, конечно, особенно последняя строка, которая звучит очень двусмысленно, ну прямо антропофагией отдает... Да и ладно, это же, как принято выражаться, не для печати. Однако сочетание слов «красная дама, черный валет» очень даже ничего. Вполне можно написать романчик с таким названием. Дама – какая-нибудь пламенная революционерка (без разницы, кто и откуда, что-то вроде француженки Теруаль де Мерикур или русской Александры Коллонтай), ну а валет, конечно, аристократишка презренный, белогвардеец... Любовь на фоне обострившихся донельзя классовых противоречий...

Хм, может быть, Алёна что-нибудь в таком роде и напишет. Вообще практически каждый встречный способен стать героем романа – книжки, в смысле.

Вот хотя бы эта пара, которая внимательно слушает гида... Она – изящная, очень красивая молоденькая женщина, не то японка, не то китаянка или, что тоже вероятно, кореянка (боже, ну зачем, обладая столь обворожительной внешностью, еще и так краситься: румяна, на веках аж четыре оттенка теней, губы вызывающе алые... Хотя, кажется, могучий макияж – восточная традиция. В прошлом году Алёна в городе Ха общалась с одной криминальной китаянкой⁵, которая ну просто картины косметические на своем лице рисовала!), одним словом, экзотическая красотка, а он – красивый кареглазый мужчина лет тридцати с каштановыми волосами (судя по языку, на котором он говорил со своей спутницей, итальянец). Очень яркая пара! В Западной Европе все в большую моду входят браки с азиатками. Можно себе представить, сколько дам и девиц, знакомых этого привлекательного итальянца, страшно ревнуют его к залетной жар-птице и строят против нее козни!

---

⁵ Подробнее читайте в романе Елены Арсеньевой «Чаровница для мужа», издательство «Эксмо».

Или вон стоит очень толстая девушка с прекрасными золотыми волосами, длинными и пышными, словно у какой-нибудь Рапунцель⁶. Совершенно сказочные волосы, другого слова не подберешь! А сама страшненькая, бедняжка, – и толстая, и прыщавая, и глаза навывкате... Может быть, у нее есть очень красивая подруга. У той волосы – ну просто жуть, смотреть противно, а она мечтает сниматься в роликах, рекламирующих шампуни или еще какие-нибудь штучки для волос, и потому страшно завидует золотым локонам уродины, которая завидует ее красоте... Чем не сюжет?

Или вот невысокий, можно даже сказать, маленький, но широкоплечий, плотный и очень смуглый мужчина в «стетсоне», клетчатой рубашке и джинсах. Забавный ковбой! Со шляпой не расстался, даже когда гид вежливо намекнул, что в покоях замка принято находиться без головного убора... Впрочем, довольно угрюмый араб из группы тоже не снял свою арафатку, но никто не посмел сделать ему замечание. А дяденька в «стетсоне» вообще сделал вид, что не слышит гида, только достал из кармана сигару и сунул демонстративно в рот (правда, через минуту убрал).

Ну до чего же он смуглый, этот «ковбой»! И на кого-то похож своей смуглостью... А, вспомнила! На Сергея Бондарчука в роли Отелло. Вообще-то, Отелло венецианский мавр, но в той ленте – натуральный черный негр.

Невероятно плотный, крепкий мужчина. Похож на просмоленный дубовый бочонок для воды из старинных фильмов про моряков. Как такой бочонок называется? Ах да, анкерок. Наверное, если этого дяденьку положить на воду, он не потонет, а поплывет, словно анкерок. Очередной сюжет!

«Стоп, писательница Дмитриева, ты сейчас на отдыхе? – остановила себя Алёна. – Вот и отдыхай, не выдумывай глупостей, а просвещайся, слушай гида и смотри не на экскурсантов, а на экспонаты».

Она так и сделала.

В шато еще витал дух суровых кальвинистов Колиньи, потому что стулья кое-где были обиты ну таким простеньким ситчиком, что становилось, честное слово, стыдно за графов, последних хозяев замка. Однако в парадной спальне все оказалось чин чинарем: огромное ложе под парчовым покрывалом, невероятных размеров зеркало чуть ли не во всю стену, как в хорошем танцзале, поставец с фарфоровыми фигурками, мраморный камин, украшенный грифонами, ну и рядышком – тот самый знаменитый клозет, скопированный с аналогичного помещения несчастной Марии-Антуанетты...

Все устремились именно к туалету, а Алёна задержалась перед зеркалом.

Наша героиня вообще любила смотреть в зеркала – и было-таки чем полюбоваться, глядя на себя, было! – а особенно в такие вот старинные. Чудилось, вот-вот выглянет из-за спины какой-нибудь призрак прошлого, задержавшийся между двумя мирами... А что, в таком шато просто обязано обитать фамильное привидение! И чертовски жаль, если его нет. Однако пока в зеркале отражалась только стройная, хоть и весьма фактурная фигура русской писательницы Дмитриевой, облаченная в легкомысленные, сползшие на бедра штаники и не менее легкомысленную маечку-размахаечку. Правда, фоном для фигуры – кудрявая голова, серые глаза, курносый нос – являлась эта кровать... Ну просто развратнейших габаритов кровать. Каким только видам сексуальной акробатики на ней невозможно не предаться... Вот только на этом сине-золотом парчовом покрывале будет, пожалуй, колко... Хотя оно вроде бы не сине-золотое, а скорее зеленое с золотистым. Или это парча так переливается, как бы меняет цвет? Стоп, а с чего вдруг кто-то из туристов вздумал на кровати посидеть... полежать...

---

⁶ Героиня сказки братьев Гримм. Она была заточена в башню, однако возлюбленный взбирался к ней через окошко по ее длинным волосам.

Алёна так и замерла, уставившись в зеркало, – две нагие фигуры, мужская и женская, извивались в объятиях друг друга на зеленом покрывале... Или на траве? Мелькнули раскосые глаза, искривившийся в страстной судороге пунцовый рот...

Наша героиня резко обернулась.

Роскошное ложе, покрытое золотисто-синей парчой, величаво пустовало.

Но около кровати стояла экзотическая красотка-азиатка в зеленом платье. Видимо, она и примерещилась Алёне.

С чего бы? И нет бы увиделось что приличное, ну там Гаспар Колиньи на смертном одре... Хотя одра у несчастного адмирала практически не было: одуревшие от опиума для народа католики убили его около дома в Париже, на улице Бетизи, а потом долго таскали труп по залитому кровью городу... Нет уж, лучше пусть мерещится непристойщина, чем Варфоломеевская ночь!

– Обратите внимание на камин, – проговорил в это время гид. – Он украшен фигурами грифонов с человеческими головами. В образе грифонов потомки злосчастного адмирала Колиньи изобразили королеву Екатерину Медичи, гонительницу и истребительницу гугенотов.

Вот что называется – вовремя сказано!

Алёна снова посмотрела в зеркало. Гид тоже повернул голову, и их глаза встретились. И снова писательнице показалось, что покрывало позеленело, а на нем...

Ей стало жарко. Интересно, а гид, как его там, похожий на графа, видел то же, что видела она?

Да ну, глупости. Как он мог видеть то, что создано ее больным от любовного воздержания воображением? Совершенно никак не мог!

– Кто-нибудь уже был в туалете? – прервал мысли Алёны шепот, обращенный не к ней, но такой громкий и возбужденный, что было слышно каждое слово.

Наша героиня обернулась – невдалеке стоит Рапунцель. Но что это с ней – ужасно краснелась, смущена донельзя...

– Там таки-ие статуэтки в шкафчике, ужас! – прошептала все так же громко толстая некрасивая девушка с золотыми волосами. – Китайские. Камасутра китайская.

– Да? Очень интересно!

Смуглый «стетсон» двинулся вперед, расстегивая чехол, висевший на плече.

– Фотографировать тут ничего нельзя, – разочарованно предупредила его маленькая женщина лет сорока с точеным, красивым, но недобрым личиком, одетая в слишком короткую, какую-то детскую, клетчатую юбку в складку. – Вон та китаянка достала камеру, но гид сразу велел убрать.

– Жалко. Ладно, я просто посмотрю, – дернул плечом «стетсон» и, оставив чехол в покое, пошагал к туалетной комнате.

Алёна двинулась за ним.

Да уж... Фигурки оказались как раз в стиле той, которая была изображена на картине с пионами. Алёна вспомнила, что хотела узнать, при чем там вообще тигр, да еще белый, но тут же опять про это забыла, поглядывая то на замечательные своей раскованностью статуэтки, то на лица туристов. Уж, казалось бы, чего только не нагляделся нынешний народ, однако все смущались, отводили глаза и снова с откровенным любопытством таращились на изящные фигурки... Впрочем, может быть, экскурсанты восхищаются качеством работы?

– Они что, в самом деле принадлежали императрице Цыси? – недоверчиво спросила красивая китаянка. – Разве не опасно держать такую драгоценность на виду? Вряд ли замок у шкафчика столь крепок...

– Разумеется, не крепок, – улыбнулся гид. И пояснил: – Вы видите здесь копии, изготовленные лет десять назад, когда во Франции воскрес интерес к Китаю вообще и ко времени правления императрицы Цыси в частности. Граф Альбер Талле, сын графа Эдуара Первого и

отец нынешнего графа, счел, что семейные реликвии могут быть интересны посетителям шато, но все же их надо оберегать. Сама коллекция, как я уже упоминал, хранится в выставочной комнате, однако вам не удастся ее увидеть, к сожалению.

– Почему? – разочарованно протянула китаянка.

– Внезапно возникли небольшие неполадки... разбилось окно... потребовалась уборка... – с извиняющимся видом сообщил гид. – Словом, сегодня доступ туда закрыт.

– То есть экскурсия будет сокращена? – сердито воскликнула китаянка. Затем вынула билет. – Здесь написано: демонстрируется девять покоев. А мы, выходит, посмотрим только восемь?

– Вы посмотрите только семь, – уточнил гид. – Ремонтируется также переход в Башню Лиги: там неожиданно обвалился участок потолка с фресками, составляющими огромную историческую ценность. Работы на несколько дней, и сегодня La Tour de la Ligue закрыта для посещения. Желающие после экскурсии могут подойти к кассе и получить назад часть суммы, уплаченной за билет, а всех остальных – опять же после экскурсии – приглашаем проследовать в винную лавку в подвалах шато и попробовать вино «Château Tallai» урожая прошлого года. Поверьте, бокал этого вина стоит куда дороже тех нескольких евро, которые вам вернут в кассе. Одно из лучших бургундских красных вин! Так что решайте, господа, время подумать у вас еще есть. А теперь прошу вас в Большую Галерею, являющуюся одной из основных достопримечательностей шато Талле. Там вы сможете фотографировать.

Все потянулись к выходу.

Китаянка надула и без того очень пухлые напмаженные губки. Наверное, ей очень хотелось посмотреть коллекцию китайского фарфора, и никакая Grand Galery вместе с бокалом вина «Château Tallai» не могла ее утешить.

Алёна понимала экзотическую красоту. Сама она терпеть не могла красное вино и никогда его не пила.

Итальянец приобнял спутницу за плечи и осторожно поцеловал в наруганную щеку.

Рапунцель тяжело вздохнула, с завистью глядя на пару.

«Так, сюжет развивается...» – подумала писательница Дмитриева, еле сдерживая улыбку.

Рапунцель в этот момент обернулась и взглянула на нее подозрительно.

Пытаясь скрыть неуместную улыбку, Алёна выхватила из кармана бумажный платочек, прижала к лицу, делая вид, что сморкается, но тут лиловый прямоугольник билета Roissy Bus, прицепившийся к платку, упал на пол – на исторический мраморный пол! Она поспешно его подхватила и наконец-то заметила за дверью мусорную корзинку. Шагнула к ней и, убедившись, что в корзинке не хранится никакого бесценного антикварного мусора, а лежит пошлая бутылка из-под пепси, собралась бросить туда билетик. И увидела на нем какую-то надпись – на обратной, незапечатанной стороне. Вгляделась...

Странная это была надпись!

Выглядела она так:

Os de V afei

Алёна повертела билетик так и сяк. Вообще, если абстрагироваться от загадочного os и забыть, что V была единственной прописной среди строчных букв, получалось, что на билетике написано следующее:

Os deVa fei

По-русски звучит как «*ос deVa фей*».

Дева Фей? Про сказочную Деву Фей, Серебряную Фей говорил гид. Та самая, которая научила людей предаваться любви ради удовольствия...

Да ну, не может быть.

Или может?

А что может-то?!

Но при чем тут *os*? И почему выделено *V*?

Загадочно...

Сказки дальних стран и далеких времен

Во времена, которые считались древними еще в незапамятную пору, жил в земле, что лежит среди Четырех Морей, человек по имени Чжу. Имя его означает «свеча». Верно матушка Чжу нарекла своего сына! Был он высок и строен, силен, как тигр, но сердцем добр и кроток нравом. Никто не знал целебных растений так хорошо, как Чжу. Не иначе сам бог Шэнь-нун открыл ему тайны разнотравья! На склонах Тэншань, Чжушань, Цзяньшань собирал он траву хуангунь, врачующую злые нарывы, янтао, что исцеляет опухоли, цбио, согревающую кровь... Знал Чжу и тайну носорожьей кости, умел резать из нее куайцзы – палочки для еды, которые предохраняют от ядов.

Чжу слыл великим знахарем, шел к нему и бедный, и богатый. Но иные считали слово Чжу целительней снадобий. Искал он знания в горах и долинах, мудрости спрашивал у небес, проводил дни в одиночестве, пред ликом звезд не помышлял о почестях и наградах, хвале и хуле, удаче и неудаче, о князьях и их дворах. Случались дни, когда не отвеживал Чжу даже похлебки из диких трав, в странствиях души забывая о брennom теле... Мирно текла его жизнь, был спокоен и счастлив он тем, что имел.

Однажды в поисках трав заплутал Чжу в зарослях терновника, сумаха да дикого винограда и вышел к подножию незнакомой горы. Ее вершина лиловела сквозь дымку тумана, словно цветок. А на самом верху разглядел Чжу диковинное дерево. Его ствол как будто врезался в небесный свод! На ветвях того дерева увидел Чжу десять золотых воронов-солнц и подумал: «Уж не шелковицу ли Фусан вижу я пред собою, небесную лестницу, по которой поднимаются с земли души людей? Как бы и мне взобраться по его веткам, чтобы попасть в небесные чащи? Что за дивные травы смогу собрать я в тех лесах!»

Бросился Чжу вверх по склону. Путь ему преграждали заросли кленов, пуэрарии и повилика, глухой бамбук. Чжу оступался на камнях и срывался с утесов, но все-таки достиг вершины и начал взбираться на дерево.

Трудненько ему пришлось, ведь прочная кора Фусан отделялась от ствола, будто кожа желтой змеи. Кое-как удалось ему схватиться за нижнюю ветку, потом за другую, повыше, за третью...

Карабкается Чжу ввысь, а сам нет-нет да и оглянется. Вот уже землю застлали туманы высот, но порою раздвигал их взглядом Чжу и видел спящие синие и зеленые горы, движение темных рек. Он узнал прихотливый узор Водяного Ложа Белого Дракона, Волнуемого Бурями⁷, и едва с ветки не свалился, впервые поняв, как величава река, на берегах которой он вырос. На севере ее увидел он неведомых белых зверей, которые играли в хрустальных чертогах. На западе рассмотрел людей, которые складывали из камня города выше гор и выпускали в небо черных и желтых дымных драконов. А на востоке вдруг увидел Чжу свое родное селение, где жили юноши, не знавшие любви, женщины, которые не умели рожать детей, и девушка Ай, которую сосватали для Чжу еще в детстве, но он не хотел брать ее в жены, хотя и знал, что она мечтает служить ему с совком и метелкой... Вот Ай отставила мотыгу, выпрямилась и поглядела из-под ладони куда-то в высоту. Уж не туда ли, где был сейчас Чжу?

А он взбирался выше и выше... Волшебный Стрелок Вечер целился в жестокие пылающие солнца: день шел к исходу, девять солнц теперь тлели, подобно далеким кострам, оставляя лишь одно: ведь солнца по очереди согревают землю, чтобы не испепелить ее своим жаром.

---

⁷ Волнуемое Бурями Водяное Ложе Белого Дракона – древнее маньчжурское название реки Амур.

Но вот и солнца остались далеко внизу, и Чжу увидел, что с востока, окутанного теперь полуночным мраком, несутся на запад кони заката с золотыми глазами и пламенной гривой. Чжу поднялся до самых берегов Серебряной Реки!⁸

Вновь бросил он взгляд на землю – его односельчане плелись к бедным хижинам своим. «Где же бессмертные сады, в которых произрастает блаженство богов бессмертных? Я добуду его для людей!» – подумал Чжу и осмотрелся.

Мир вокруг был просторен и тих, и возникли впереди очертания дворца... Яшмовые купола и халцедоновые террасы, выложенные из жемчуга столбики и перила из резного абрикоса... Наверное, это и есть один из пяти звездных дворцов! Вот расступились белые и зеленые нефритовые стены, открыв взору небесные покои...

И увидел Чжу ложе ночи. Увидел он созвездия рук, и белые облака груди, и черную тучу возле истока ног. И сердце его бросилось вскачь, а тело уподобилось боевому коню.

Звездная дева – она была жемчужины светлее! – не то дремала в полете, не то летела сквозь сон, осеняя небосклон своею тенью.

«О, кто она, кто?! Быть может, одна из семи сестер, бессмертных фей, что за ночь могут соткать десять кусков парчи, тонкой, как облака? Или же это Хэ Сянь-чу – богиня, что сметает цветы персикового дерева подле небесных врат? Не она ли спит, утомленная заботами дневными? Или я вижу ниспосылающую снег и иней Яшмовую Деву Цинн, которая ждет, когда наступит ее черед окутать землю зимнею одеждой?»

Чжу глазами жаждал тела серебряной девы, и сердце его норовило покинуть клетку-грудь, как вдруг дева, не открывая глаз, протянула руку и, подхватив Чжу, украсила им свое лоно, как будто цветком. Но едва его жаркое тело коснулось ее облаков и звезд, как дева согрелась, словно в жилах ее забурлило вино, порозовела, точно цветок персика, вздохнула глубоко... Чжу ли стал подобен ей, она ли сделалась ему под стать, но соприкоснулись их плечи, и колени, и бедра. Чжу схватил жадными руками звезды Циминсин и Цзиньсин, что сияли на остриях ее груди, дева затрепетала... да только не удержался Чжу на скользком, серебристом, белом атласе ее живота и полетел вниз, путаясь в нитях созвездий, исцарапал кожу о ветви небесной шелковицы, помянул стопами каждый камень на склоне... В конце концов рухнул у подножия Лиловой горы – спустился с небес, как сказал бы поэт, не взнуздав облаков и не оседлав тучу!

---

⁸ Серебряная Река – в древней китайской астрономии так назывался Млечный Путь.

Наши дни, Франция

Гранд Галери Алёне совершенно не понравилась, потому что оказалась, на ее взгляд, какой-то глупейшей имитацией, которая вполне годилась для театральной декорации, но величие шато Талле оскорбляла. Создатели галереи затянули ее стены драпировками, на которых с великим умением изобразили мраморные статуи римских богов со всей атрибутикой. Первое впечатление было очень сильным, но уже через миг становилась ясна подделка.

Однако, поскольку все же было заявлено, что это, мол, одна из основных достопримечательностей шато Талле и здесь разрешено снимать, туристы знай щелкали затворами камер и мерцали мобильниками. Алёна тоже сделала своей «Нокией» одно или два фото, но потом убрала ее в сумку. Ну что тут особенного снимать? К тому же ей почему-то не давал покоя лиловый прямоугольничек – билетик Roissy Bus с загадочной надписью.

Алёну не очень смутило, почему странные слова были написаны на французском автобусном билетике. Что тут особенного? Какой-то турист или командированный (бывают же такие счастливчики, которые в самый прекрасный город мира ездят по служебным надобностям и еще небось ворчат, что это происходит слишком часто или не ко времени!) ехал автобусом из аэропорта Шарль де Голль в Париж и должен был невесть почему эти слова немедленно записать – ну и записал на первой попавшейся бумажонке... Сама писательница Дмитриева не раз записывала поразившие ее мысли, фразы или просто яркие словечки на ресторанных салфетках, на одноразовых платках, на немыслимых каких-то клочках бумаги, если под рукой не оказывалось блокнота.

Она вспомнила также историю про одного знаменитого аргентинского композитора и дирижера Эдгардо Донато, автора многих прелестных танго. А поскольку наша героиня обожала аргентинское танго и очень, очень многие ее приключения так или иначе были с ним связаны⁹, то, пожалуй, есть смысл чуточку отвлечься и поведать эту историю здесь и сейчас.

Итак, однажды Эдгардо Донато ехал по Монтевидео (надо сказать, он был родом из Уругвая, а Монтевидео, как известно, столица этой страны) на трамвае. Донато очень любил данный вид транспорта и, несмотря на то что мог бы ездить на авто, всегда предпочитал трамвай. И вот на улице Монтойя, возле дома 348, трамвай вдруг сломался – отключилось электричество.

Сгущались сумерки. Донато решил подождать, пока трамвай починят. Сумерки были любимым временем композитора. Он смотрел на окна дома 348 и думал, как красиво мерцают в стеклах остатки дневного света и вечерние тени – то, что художники называют волшебным словом *чиароскуро*. Донато в ту пору был влюблен в знаменитую певицу Луси Клори и сейчас вообразил, будто у них тайное свидание в одной из квартир. Он сидел и мечтал, напевая: «Монтойя, трез, кватро, очос...» (то есть Монтойя, три, четыре, восемь)... Постепенно родилась мелодия прелестного танго, которое он немедленно назвал «*A Media Luz*» – «В сумерках».

Прошло часа два, в трамвае не осталось ни души, кроме дремлющих водителя, кондуктора и Донато, который придумывал свое танго. Однако композитор боялся забыть мелодию, надо было ее поскорей записать. Но, как назло, в его карманах не оказалось ни клочка бумаги. Тогда он подошел к спящему кондуктору, осторожно снял с него катушку с билетами и написал на них мелодию знаменитого танго. Потом посчитал билеты, которые были исписаны нотами, достал деньги, положил в сумку кондуктора – и наконец-то сошел с трамвая.

Теперь нужны были слова для песни. Их написал приятель Донато Карлос Лензи, а первым, кто услышал новое танго, еще дома у Донато, был знаменитый певец Карлос Гардель, который часто наезжал в Монтевидео, поскольку тоже был уругвайцем по происхождению.

---

⁹ Читайте, например, романы Елены Арсеньевой «На все четыре стороны», «Черная жемчужина», «Чаровница для мужа», «Мужчины Мадлен», «Письмо королевы», а также рассказ «Рождественское танго», издательство «Эксмо».

– Я буду петь это танго! – воскликнул он. – Но при одном условии...

Донато насторожился. Конечно, если Гардель споет «A Media Luz», можно считать, что танго обречено на успех. Но какое у певца условие?!

– Ты должен заменить название улицы. Пусть будет не Монтойя, а Коррьентес, – заявил Гардель. – С адресом Коррьентес, 348, для меня очень многое связано.

Друзья Гарделя знали, что по этому адресу в Буэнос-Айресе находилась квартира, куда певец приводил своих тайных возлюбленных. Это тронуло Донато, который вспомнил свою несбывшуюся любовь к Луси Клори.

Слово «Коррьентес» замечательно вписывалось в ритмику, и Донато дал согласие. С тех пор танго «A Media Luz» начинается со слов «Коррьентес, трез, кватро, очос», и оно действительно было одним из самых любимых танго Гарделя.

А ведь чудесной мелодии могло не быть на свете, не окажись под рукой у Эдгардо Донато катушки трамвайных билетов!

Вот такая история. Но вернемся теперь к нашей детективщице.

Повторяем, сам факт того, что некая фраза была написана на автобусном билетике, казался для Алёны вполне объясним. Да все, по сути, можно так или иначе объяснить! Кроме одного или, точнее, двух моментов: при чем тут Дева Фей и почему билетик понадобилось засунуть в музыкальную шкатулку? Ну что ему там делать? То бишь зачем его понадобилось туда положить?

А что, если... если это намек на знаменитую китайскую коллекцию графов Талле? Вдруг задумано ее похищение? И музыкальный ящик служит почтовым ящиком для преступников?

Хм, между прочим, не такая уж бредовая идея...

Надо сказать, что мания преследования, вернее расследования, у писательницы Алёны Дмитриевой была чисто профессиональная. Столько преступлений придумать и, можно сказать, осуществить (правда, на бумаге, но все же!), а потом и раскрыть – конечно, это не может не отразиться на психике.

Но вот интересно: предположим, подойдет она сейчас к гиду... Тот, кстати, произносит фамилию де Талле с такой небрежной элегантностью, что, очень может быть, сам принадлежит к числу ее носителей, а экскурсии водит по шато или из любви к искусству, или просто потому, что вульгарно надо деньги зарабатывать на содержание и ремонт такого огромного имения. Ведь здесь, в шато, все как у людей: и двери надо чинить, и окна разбиваются. Что же касается работающих графов, то это тоже совершенно не нонсенс. К друзьям писательницы Дмитриевой, Морису и Марине Детур (у этой русско-французской пары Алёна всегда останавливалась, приезжая в Париж, супруги брали ее с собой в загородный дом в Муляне, бургундской деревне... собственно, и сейчас Алёна приехала на экскурсию в Талле именно оттуда, ну а друзья ее остались дома, потому что не раз уже бывали в замке, находящемся в каких-то паре десятков километров от Муляна) – ну так вот, к Морису и Марине чинить всякую сантехнику приходили люди из фирмы, которую возглавляет самый настоящий граф. Мужчина, надо сказать, совершенно очаровательный – высокий, стройный, черноглазый, молодой, невероятно светский... Одним словом, граф. И притом сантехник! Он просто обожает сам, своими руками, что-нибудь чинить, его просто хлебом не корми – только дай поменять кран или прочистить трубу. И если бывает граф-сантехник, то почему бы не быть графу-гиду?

Итак, подойдет Алёна к предполагаемому графу и покажет билетик... И что?

Да ничего. Он пошлет ее на беашвэ. В смысле – на три буквы.

Что касаето «беашвэ»... Аббревиатура заслуживает небольшого лирического отступления с пояснением.

На их с Мариной (и с Морисом, посвященным в данную тайну) языке сказать «пошлют на беашвэ» значило то же, что послать

на три буквы, в неприличный пеший путь. Вообще-то, BHV – огромный, очень хороший хозяйственный магазин в Париже на rue Rivoli, неподалеку от Hôtel de Ville, в котором находится муниципалитет Парижа. В этот магазин Морис одно время – когда в доме делали ремонт – весьма часто ходил. И как ни спросишь, где Морис, Марина непременно отвечала: «Пошел в BHV». А Лизочка никак не могла запомнить аббревиатуру и говорила: «Папа пошел в магазин, где три буквы». Постепенно выражение стало простым и сакраментальным – пошел на три буквы или пошел на беашвэ.

Ну и пошлет ее гид-граф, подумала Алёна. И, собственно, что? Зато она будет совершенно уверена, что выполнила свой долг перед Францией вообще и перед таким бесценным достоянием любимой страны, как шато Талле, в частности. Все-таки семейство Колиньи... и «Анжелика и король»... и вообще красота несусветная... Жаль, если замку будет нанесен хоть малейший ущерб.

Нет, надо все-таки мало-мальски поднять тревогу. Разумеется, в полицию или к охранникам она не пойдет, а вот поговорить с приятным и элегантным гидом, который к тому же не перестает поглядывать на нее с таким интересом, можно.

Решено!

Но, конечно, только после окончания осмотра шато. А то вдруг этот мсье примет Алёнины слова совершенно всерьез, мобилизует охрану, вызовет полицию и окончательно испортит людям и без того сокращенную экскурсию.

С другой стороны, затягивать с разговором нельзя. Если дело и правда нечисто, надо повнимательней присмотреться к туристам. Кто-то же из них положил бумажку, кто-то задумал аферу с Девой Фей, какой бы смысл ни вкладывать в это выражение...

Пока гид занят, присматриваться придется Алёне. Ну что ж, чай, не впервой!

Начало 20-х годов XX века, Россия

Алексей Максимович стоял за дверью и слушал, как Гумилев читает свои новые стихи:

И совсем не в мире мы, а где-то
На задворках мира средь теней,
Сонно перелистывает лето
Синие страницы ясных дней.

Маятник старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам секундам рубит
Головы хорошенькие их.

Так пыльна здесь каждая дорога,
Каждый куст так хочет быть сухим,
Что не приведет единорога
Под уздцы к нам белый серафим...

Стихи назывались «Канцона», и слово это раздражало Горького так же, как раздражало все, что исходило от Гумилева. Читал тот медленно, торжественно, явно упиваясь своим голосом, и Алексей Максимович чувствовал, что поэт гордится каждой строкой, созданной им, каждым исторгнутым звуком, что он испытывает огромное уважение к себе, создателю таких восхитительных ценностей.

Это было понятно Горькому потому, что и он сам, читая свои произведения на публике, испытывал совершенно такие же чувства. Более того! Если Гумилев читал свои стихи несколько отстраненно, не без высокомерия жреца, который презирает непосвященных, то Горький ужасно переживал о том впечатлении, которое произведет. Причем и волновался, и стыдился своего волнения. Оно как бы унижало его, как бы ставило под сомнение мастерство, силу его творчества...

Однажды, давно, когда он был уже признанным писателем и даже разжалованным почетным академиком (покойный государь император, не дав насладиться званием и новыми правами, исключил его, поскольку Горький находился под надзором полиции за антиправительственную деятельность, в связи с чем Чехов и Короленко отказались от членства в академии, ну а Горькому сие событие только надбавило популярности), он читал труппе театра Станиславского свою новую пьесу «На дне» – и аж расплакался, когда Анна умирала. Помнится, просморкавшись трубно, выговорил умиленно: «Ах, хорошо написал!» И все умилились вместе с ним: и Константин Сергеевич, и Коля Телешов, друг-приятель, и актеры, и, конечно, она, Машенька, Марья Федоровна Андреева, тогдашняя прима, будущая любовь Горького... такая горькая любовь... А какая любовь была у него не горькая? Разве с той, для кого звенит фанфарами и кимвалами голос Гумилева, не горькая?

Зачем, ну зачем Варваре этот пустозвон? И вообще, что за стихи?

И в твоей лишь сокровенной грусти,
Милая, есть огненный дурман,
Что в проклятом этом захолустьи
Точно ветер из далеких стран.

Там, где всё сверканье, всё движенье,
Пенье всё, – мы там с тобой живем.
Здесь же только наше отраженье
Полонил гниющий водоем.

Вот именно – гниющий водоем, а не поэзия!

Что? Гниющий водоем?

Тем временем Гумилев умолк и внутри комнаты возникла пауза. Потом восторженно зататорил Чуковский:

– Коля, Николай Степанович... Это великолепно, это...

И он аж подавился от восторга, закашлялся. Послышались хлопки тонкой, с длинными пальцами – белая кость, голубая кровь! – гумилевской ладони по костлявой, чахоточной – разночинец, интеллигенция гнилая! – чуковской спине. И легкий, словно бы затаенный смешок.

Наконец-то и она подала голос...

Ни слова одобрения, ни ахов, ни охов. Горькому в его укрытии стало чуточку легче. Гумилев таскается сюда не только ради прекрасных очей Варвары Васильевны – вбил себе в голову, что она необычайно тонко воспринимает поэзию... Вот и получи ее тонкое понимание – смешок. Да-с!

Чуковский вечно являлся вместе с Гумилевым. Корнея, как подозревал Горький, влекло вино, итальянское вино, которого – разумеется, стараниями Алексея Максимовича – у Варвары Васильевны имелся немалый запас. Разумеется, Горький не препятствовал ей принимать друзей и угощать их его вином. Однако задолго перед тем, как Чуковский с Гумилевым должны были прийти – а те повадились ходить каждое воскресенье, часам к четырем-пяти, как на вечернюю службу (не на советскую службу, понятное дело, Чуковский в своем издательстве появлялся годом-родом, а как раньше добрые люди на церковную хаживали), – Горький в предчувствии неизбежности дурно себя чувствовал. Представлял: вот они идут, идут по великолепному мертвому Петрограду... Вышли загодя, потому что дальний конец пешком предстояло одолеть. Воздух чист, как в деревне: ни верениц автомобилей, отравляющих воздух, ни дымов из труб – все теперь жили в лютom холоде, горячей пищи не готовили. Горький знал, что только в его одиннадцатикомнатной квартире на Кронверкском топились ванны – сказочная роскошь! – другой ванной не было на десять километров в окружности. Ну и ладно, каждый живет так, как он живет. В квартире у Варвары Васильевны ванной не было тоже. Ну да Гумилев ведь не за ванной сюда ходит...

Алексей Максимович глянул в шелку и увидел: Варвара Васильевна, слушая стихи, сидит на диване, зябко кутаясь в кашемировую шаль. Гумилев изредка потягивал вино и попыхивал длинной папирской, а потом продолжал читать.

А Горький думал про гниющий водоем. Опасные строки... Вообще все стихотворение опасно. Опасны слова о том, что мы живем на задворках мира, среди теней, опасна строка про головы заговорщиц, которые отрублены старательным и грубым маятником времени, опасны мечты о каком-то ветре из далеких стран, которого не хватает в «проклятом этом захолустьи». Ну а уж за слова «здесь же только наше отраженье полонил гниющий водоем», услышь их какой-нибудь ретивый чекист (а те умеют все выворачивать наизнанку, даже самые невинные строки, а здесь и выворачивать ничего не нужно, все налицо и набело... вот именно, набело!), можно и к стеночке встать. Зря Гумилев уверяет, что он демонстративно аполитичен, революцию попросту не замечает, – он самый настоящий, типичный, как модно говорить теперь среди молодежи, белогвардеец.

Вдруг приступ зависти, ревности – мужской ревности, писательской зависти – сделался невыносим. Горький не выдержал и вошел в комнату.

Корней вскочил. Гумилев отставил стакан, но не поднялся на ноги. Варвара Васильевна в уголке дивана переводила глаза с любовника на поклонника. Лицо ее, очень красивое, кому-то казавшееся загадочным, кому-то простоватым, ничего не выражало, хотя в душе она так и трепетала от любопытства: что сейчас будет? Сцена? Или обойдется?

Горький ощущал, что в присутствии тонкого, надменного Гумилева сам он движется с какой-то застенчивой неуклюжестью, сутулится более обычного. Отчего разозлился и с трудом выдавил из себя:

– Отлично вы прочитали стихи... особенно последнее. Но о чем они? Да ни о чем! Метафоры ваши насквозь прозрачны. И уж очень вы на аллитерацию упираете, хотя «ж» – звук неблагозвучный. А у вас каждая строка жужжит:

Там, где всё сверканье, всё движенье,
Пенье всё, – мы там с тобой живем.
Здесь же только наше отраженье
Полонил гниющий водоем.

Гумилев изогнул одну бровь (как у них, у дворян, так получается, Горький понять не мог, сам-то он со своими мохнатыми седеющими бровищами никогда не мог сладить) и заговорил, спокойно стряхивая пепел с папироски:

– Ну да, гораздо сложнее метафоры *уж* и *сокол*. – Уголок рта его насмешливо, издевательски дрогнул. (Тоже барские штучки!) – И вообще, если бы вы понимали поэзию... – Горькому показалось, что он выговорил это слово как-то особенно высокомерно и надменно, получилось *пуэзию*. – Если бы вы понимали поэзию, то никогда не написали бы целую строку из односложных слов: «Вполз уж и лег там». Русский стих не терпит такого скопления односложных. Если сказать: «*Впóлз уж и...*» – это будет дактиль. Если сказать: «*Вполз у́ж и...*» – будет амфибрахий. А если сказать: «*Вполз уж и́...*» – получится анапест¹⁰.

Горький вздохнул. Он никогда не умел отличить дактиль от амфибрахия, тем паче от анапеста. И не он один. Вон, говорят, и Евгений Онегин меж ямбов и хореов путался, а анапесты с амфибрахиями для него небось и вовсе темным лесом были. Гумилев явно желал его унижить при женщине, и Горький произнес со смирением, которое, как известно, паче гордости:

– Ну какой же я поэт!

Гумилев и Чуковский переглянулись и поднялись, стали откланиваться. Горький молча кивнул. Варвара Васильевна встрепелась было, но тоже не стала их удерживать.

Непрошенные гости ушли.

Алексей Максимович пошатался по гостиной, поглядывая на хозяйку квартиры. Варвара Васильевна смотрела на какой-то листок, лежащий на столике. Листок был кругом исписан мелким, совершенно неразборчивым почерком.

Горький взял и попытался прочесть. Не скоро, но удалось-таки разобрать строки:

Моя любовь к тебе сейчас – слоненок,
Родившийся в Берлине иль Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.

Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему кочней капустных,

¹⁰ Гумилев ведет речь о знаменитом стихотворении в прозе М. Горького «Песня о Соколе», которое считалось среди символистов весьма убогим с точки зрения архитектоники стиха.

Он может съесть лишь дольку мандарина,
Кусочек сахара или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он сделается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мидинеток.

Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи
И побежит по улицам и будет,
Как автобус, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.

– А это что такое? – изумился Горький.

Варвара Васильевна пожала плечами:

– Николай Степанович в прошлый раз оставил. Что-то из нового. Я насилу прочла. Ну и почерк у него!

– Опять Николай Степанович?! – вспыхнул Горький. – Опять глумлятина?!

Женщина не удержалась и хихикнула:

– Глумлятина... Ой, вы как скажете, Алёша! Теперь это к нему прилипнет. А стихи смешные, он же знает, как я люблю слонов.

И правда, Варвара Васильевна обожала картинки, фигурки, игрушки, которые изображали слонов. Жила она в квартире своего бывшего мужа, Шайкевича, с которым рассталась уже давно, однако жить-то надо было где-то в нынешнее разоренное время, и здесь еще оставались фарфоровые и костяные статуэтки, изображающие миролюбивых, разъяренных и сонных слонов. Прежняя коллекция! Но имелось и кое-что новенькое, подаренное уже Горьким. И еще сегодня он собирался вручить ей маленький презент.

Поспешил в прихожую, достал из кармана шубы бумажный сверток и шелковистый пыльный мешочек. Она, эта странная фигура, так и лежала в мешочке там, где Горький ее взял. Принес в комнату.

Варвара Васильевна сделала огромные глаза и резко покраснела.

Было от чего...

Фарфоровая фигурка изображала мужчину и женщину в совершенно срамной позе. Он лежит на спине, подогнув ноги к груди, она сидит на его бедрах, совокупившись с ним. Фигурка была сделана с той изумительной тонкостью, которой отличались поистине великие произведения древнего искусства. Явственно было видно выражение огромного наслаждения, которое испытывали эти двое. Складочки на животе женщины, острые соски, напряженные мышцы нежных ног... можно было разглядеть даже крохотный пальчик, которым женщина добирала капельки наслаждения, лаская себя между ног.

– Что это? – спросила Варвара Васильевна низким голосом, который всегда появлялся у нее в *особые* минуты. – И при чем здесь слон?

Горький кивнул с обещающим видом и развернул бумажный сверток. В нем оказалась книга без переплета, с кое-где выдранными страницами (он сегодня ее попросту спер, украл, стащил из хранилища – не смог удержаться). Перелистал, почитал и сказал, по-волжски окая:

– Поза слона, вот как это называется у них, у китайцев-то.

Варвара Васильевна вскинула на него глаза, ткнула недокуренную папиросу в пепельницу и порывисто вскочила.

Горький улыбнулся в усы.

Он своего добился. «Гумилятина» была забыта. Надо думать, надолго!

Обнимая Варвару Васильевну, он вдруг подумал, что первое стихотворение белогвардейца было, пожалуй, не только про политику, но и отчасти *про это*. Как у него там...

Так пыльна здесь каждая дорога,
Каждый куст так хочет быть сухим,
Что не приведет единорога
Под уздцы к нам белый серафим...

Единорог, вот именно! Поза единорога. Совершенно точно, в книжке про такую тоже есть. И про тигров есть, да еще летающих.

Эх, жаль, Гумилев не написал про летающих тигров, очень бы кстати пришлось...

Наши дни, Франция

– О, бедный музыкальный ящик! – засмеялся гид. – Честно говоря, я заметил, как вы открываете его крышку, и решил, что вы тоже не удержались от искушения сунуть туда автобусный билет или обертку от конфеты. Когда вечером, после окончания экскурсий, начинается уборка, из этого ящика достают множество мусора. Причем особенно стараются именно русские.

Показалось Алёне или мужчина посмотрел на нее с этаким намеком? Кстати, откуда бы ему знать, к примеру, что она русская? Да, говорит Алёна по-французски с акцентом, конечно, однако поди знай, с каким именно! Или... или он угадал потому, что...

Не очень скромно, конечно, но невольно вспоминается один случай на милонге в Париже... На любимой Алёниной милонге в «Retro Dancing» подошел к ней один молодой человек и пригласил танцевать – но пригласил по-русски. Оказалось, он некогда был влюблен в русскую девушку и изучал язык.

– А откуда вы узнали, что я русская? Вам кто-нибудь сказал? – спросила у него Алёна.

– Нет, никто не сказал, но вы... – Молодой человек понизил голос: – Вы очень красивая. Сразу видно, что русская!

Здорово, правда?

Кстати, иногда и Алёна узнавала за границей соотечественников по особенной красоте. Может, и гид оценил ее внешность? Не хочется, конечно, быть нескромной, но, видимо, придется...

– Почему я знаю, что забавляются таким образом в основном русские? – проговорил в ту минуту гид. – Вы когда-нибудь видели в наших магазинах конфеты в бумажках? Никогда. Они могут быть в коробках, в особых упаковках, но в бумажках... Разве что в прозрачных обертках. А раскрашенные бумажки с непрочитаемыми надписями, на которых нарисованы почему-то в основном медведи – то белый среди льдов и снегов, то медвежата, которые возятся около упавшего дерева, – русские реалии. Почему русские туристы считают, что нет лучше мусорного ящика, чем музыкальный, я не понимаю, но факт остается фактом. Находим мы и билеты – то парижского метро и RER, то автобусов «Air France» или «Roissy Bus», так что ничего удивительного. Иногда на них что-нибудь написано, например номера телефонов. Шеф охраны шато Талле половину этого мусора коллекционирует. Его дочь, вообще-то, ксерофилка¹¹, так что русские бумажки для нее настоящий клад. Моя дочь когда-то тоже собирала обертки от маленьких фирменных шоколадок – конечно, давно, когда была совсем ребенком. Хотя, может, и до сих пор собирает, но...

Он умолк.

Почудилось Алёне или в голосе мужчины прозвенела нотка горечи? Возможно, он разошелся с женой и давно не видел семьи?

Ну что ж, у каждого свой скелет в шкафу, в том числе и у гида замка Талле, а может, даже и графа.

Алёна вспомнила свое «босоное детство». Разумеется, и она прошла через безумное увлечение собиранием фантиков, тем паче что конфеты, хорошие конфеты, были в ту пору в чудовищном дефиците (как и все остальное – духи, мыло, одежда, книги, колбаса), но не знала, что это по-научному называется ксерофилия. Впрочем, наверняка французы знать не знают такого слова, как фантики. Так что один – один.

– Значит, вы считаете, что ничего особенного в этом билете нет? – спросила писательница Дмитриева.

---

¹¹ Ксерофилия – увлечение сбором оберток от шоколада.

– Считаю, что нет, – кивнул гид. – Надпись довольно невразумительна, мне кажется, это случайное совпадение букв с именем Серебряной Фей.

– Но дева, дева! – воскликнула Алёна.

И осеклась. Балда она, конечно. Это для русского восприятия *deva* – дева, а во-французском языке и слова-то такого нет.

Конечно, может быть, надпись на латинице сделал кто-то из русских, но... зачем? Почему? Неужто Алёна вляпалась в очередные разборки с очередной русской мафией?

А может, ей и в самом деле мерещится то, чего нет? Так очень часто бывало, между прочим...

– Если вы решили, что кто-то покушается на китайскую коллекцию замка, – продолжал гид, – то спешу вас предупредить: ценность статуэток совершенно условная, они сделаны из фарфора довольно низкого качества, поскольку являются копиями с подлинников, которые по-прежнему хранятся в Пекине, в музее. Наши же фигурки, я имею в виду собственно коллекцию, созданы, за исключением одной, в начале двадцатого века придворным мастером Цыси. Строго говоря, ценность их именно в том и состоит, что мы знаем: статуэтки – подарок императрицы графу Эдуару Талле. Если же этого не знать... В любом случае ни на каком аукционе всерьез к таким безделушкам не отнесутся. Ну а документа об их происхождении мы, конечно, никому не выдаем. Так что, повторяю, нет поводов для беспокойства. – Мужчина успокаивающе кивнул Алёне, словно не сомневаясь: больше вопросов у нее нет. – Кстати, вы как решили: попросите вернуть деньги в кассе или пойдете выпьете вина? Очень рекомендую последнее. Великолепное бургундское.

– Извините, я не пью красного вина, – отрезала Алёна, прекрасно понимая, что падает ниже низшего предела в глазах этого гида (а может, даже и графа), да и вообще в глазах любого француза. Ведь они-то все готовы пить красное с утра до вечера, а Алёна не может, совершенно не может его пить. Бывает же такое: кто-то на дух водку не переносит, а писательница Дмитриева – красное вино.

– Честно говоря, я тоже его недолюбиваю, – усмехнулся тот, очень возможно, граф, но наверняка гид. – Однако меня в родной стране подвергнут остракизму, если я в этом признаюсь. Поэтому в компаниях я говорю, что вовсе не пью – по состоянию здоровья, а вечером, дома, открываю бутылку белого шабли. Белого или розового. Кстати, здесь неподалеку, километрах в двадцати, есть городок, который называется Троншуа, и там некий мсье Гийом Моро продает в базарные дни вино из своих погребов – красное, розовое и белое. Так вот розовое – одно из лучших ординарных шабли, которые я пробовал.

– Я не настолько люблю вино, чтобы ехать за ним в другой город, – заметила Алёна сдержанно. – К тому же у меня нет машины, я здесь в гостях у друзей.

– А где вы гостите, в Тоннере? – спросил гид с вежливым интересом.

– Нет, они в Нуайере живут, – соврала Алёна, черт знает почему.

Нет, а правда, почему? Почему не сказала правду: в Муляне? Почему назвала Нуайер, который всего в шести километрах от Муляна, а не согласилась на Тоннер, который все же в семнадцати? Почему не сослалась на какой-нибудь Оксер или Монбар – те еще дальше?

Впрочем, что за глупости? Какое имеет значение, где живут или отдыхают ее друзья и она вместе с ними?

– А вообще вы откуда приехали? – спросил гид.

– Из Парижа, – не стала скрывать Алёна.

В самом деле, в Мулян писательница приехала именно из Парижа. А ежели гид хотел узнать, из какого она русского города, то ему надо задавать новый вопрос... Задаст или нет? И если да, что она ответит?

Он ничего не спросил, и Алёна нахмурилась.

– Ну что ж, – сказала холодно, – если вы считаете, что записка ничего не значит, тогда я ее выброшу, как только увижу ближайшую мусорную корзинку. А на будущее советую вам побольше этих самых корзинок расставить по шато. Тогда не придется всякую ерунду из музыкального ящика вытаскивать.

– Мой карман вполне может такой корзинкой послужить, – предложил гид, протягивая руку. Но Алёна уже сунула билет в карман, обронив:

– Да ладно, где-нибудь потом выброшу. Большое спасибо за экскурсию. Всего наилучшего.

И быстро пошла прочь.

– И вам всего доброго, мадам, – пробормотал гид несколько озадаченно. С чего вдруг мадам стремглав ринулась от него подальше? Чем он ее обидел?

На самом деле – ничем. Просто у нее внезапно расстегнулись брюки.

Ну да, вообразите, сидели-сидели себе на бедрах очень плотно, в обтяг, – и вдруг начали сползать. Шансов на то, что по причине внезапного похудения нашей героини на пару-тройку килограммов, не было никаких. А жаль! Значит, отвалилась пуговица. То-то Алёне утром показалось, что она как-то хлипко держится... В таких случаях надо сразу хвататься за нитку с иголкой, но ведь лень раньше некоторых родилась. К тому же Алёна торопилась – Морис спешил отвезти семью в Тоннер в бассейн. Из Тоннера в Талле шел автобус. Вся Алёнина поездка должна была занять два часа. Когда Алёна вернется, семейство ее друзей уже вволю накупается, и они все вместе где-нибудь в Тоннере пообедуют, а затем поедут домой, в Мулян. Отличная программа.

Вообще даже хорошо, что гид так наплевательски отнесся к истории с билетиком, подумала Алёна. Если бы началось какое-то разбирательство, она бы точно опоздала на автобус – и чудесная программа могла бы сорваться. Правда, получается, она зря присматривалась и прислушивалась ко всем экскурсантам так внимательно, что теперь вполне могла бы составить словесный портрет каждого, вместо того чтобы любоваться замком. Кстати, очень возможно, билетик положил турист вовсе из другой группы, так что Алёна вдвойне зря старалась.

Так, хватит размышлять о всякой бессмыслице, нужно срочно застегнуть штаны булавкой. Как женщина опытная и довольно часто оказывающаяся в подобном положении из-за лени и рассеянности, Алёна всегда носила с собой булавочку, а то и две, постоянно подумывая и о том, чтобы завести привычку носить еще и так называемый набор туриста, с нитками и иголками (а что, можно прямо сегодня и купить в Тоннере). Но как ни была раскованна и рискована наша героиня, все же вот так взять, задрать длинную майку и начать демонстрировать всем свою неряшливость она не могла. Требовалось найти укромный уголок.

Алёна окинула взглядом двор шато, заодно проверяя, не следит ли за ней гид, а может, и граф. С облегчением вздохнула: тот как раз входил в дом. И продолжила осматриваться. Здесь, перед главными воротами, никаких таких закоулков нет, кругом народ, а вон там, если перейти подъездную дорогу, видны какие-то низкие строения вроде конюшен или сараев. Самое то!

Она ринулась вперед, посвистев на прощание графским собакам, лениво дремавшим перед крыльцом. Выглядели те, прямо скажем, довольно непрезентабельно – дворняжки какие-то, а не их сиятельства. Однако небольшие каменные львы у террасы смотрели грозно, как и подобает графским львам.

Часы над входом как остановились на без четверти пять какого-то там века, так и стояли.

Красота, какая красота... Каждый камень прекрасен, каждый платановый лист, чьи тени дрожат на стенах... Хорошо бы еще вернуться сюда, ну хоть еще разик приехать бы! Не бросить ли через парапет монетку в пруд?

«Ага, пока ты будешь шарить в кармане, штаны точно свалются!» – одернула себя Алёна.

Придерживая их рукой через майку, отчего имела вид человека, которого внезапно схватила колика, она засеменила к конюшне. По пути сообразила, что из-за такой походки напоми-

нает также человека, которому срочно, архисрочно понадобилось сделать небольшое и деликатное пи-пи. А может, и не небольшое и не деликатное...

Ой, а вдруг кто-нибудь обратит внимание на то, как она идет и куда идет? И подумает, что экскурсантка решила превратить графскую конюшню в туалет? Не плюнуть ли на приличия и не начать ли застегиваться прямо на улице?

А, ладно! Каждый понимает вещи согласно своей испорченности, Алёна-то знает, что совесть ее чиста.

Она влетела в низенькую дверь, мельком глянула вокруг и убедилась, что и в самом деле попала в конюшню. Да какую чистенькую, уютную! Только холодно здесь. Бедные лошади, наверное, мерзнут в этих каменных денниках... Или животные не мерзнут так, как люди? Теперь-то точно не мерзнут – хотя бы потому, что их здесь нет, только лежит сено в очень аккуратных тюках (один на другом до потолка) да висят седла и прочая верховая сбруя на крюках. Алёна отстегнула заветную булавку с внутренней стороны кармана и принялась торопливо прилаживать ее на брюках. Бог весть почему, руки так дрожали, словно она, по старинному присловью, кур воровала. И возилась с минутным делом наша героиня как-то очень долго, причем ей все время чудилось, что кто-то сейчас заглянет в дверь и спросит, как в том замечательном детском фильме давно ушедших времен: «А что это вы здесь делаете?» Или, сообщаясь с местоположением: «Et que faites-vous cela ici?» Никто не заглядывал. Но Алёне все равно казалось, что кто-то смотрит, смотрит на нее...

Булавка гнулась – оказалась маловата и тонковата для поддержки штанов. Алёна дважды уколола палец и дважды шепотом употребила инвективную лексику, нарушая одно из своих строжайших табу... Еще и сумка соскользнула с плеча, задела ремешком по руке – вот подлость! – булавка упала на пол, усыпанный сенной трухой, и немедленно сгинула с глаз. Искать булавку в сене – наверное, все равно что искать в нем иголку. На счастье, у нашей запасливой героини лежала еще пара булабочек в сумке. Они оказались побольше и покрепче.

Наконец дело было сделано. Алёна подергалась так и этак, опустила на корточки, чтобы проверить, не расстегнется ли булавка, когда в автобусе сядешь, – и тут боковым зрением отметила что-то коричневое... что-то, высовывающееся из-за сложенных один на другой тюков с сеном...

Башмак! Нога в мокасине! Больше ничего не было видно, только эта нога в коричневом мокасине. Кажется, какой-то человек, устроившись поудобней на одном из тюков, сейчас наблюдал за писательницей Дмитриевой, проковыряв в сене дырку! Алёне даже почудился в щелке между тюками внимательный глаз! Хотя ерунда, конечно, ничего такого она видеть не могла.

Надо ли говорить, что наша героиня вылетела из конюшни с такой скоростью, будто там вспыхнул пожар и Алёна торопилась набрать номер 01... нет, номер 17, по которому вызывают во Франции пожарных, называемых здесь сапер-помпье?

Во дворе она снова огляделась. Вокруг было пусто, гида не видно, никто за ней не наблюдал. Ну, кроме того типа в коричневом ботинке, который остался в конюшне.

Извращенец несчастный! Он, наверное, нарочно там устроился, чтобы подглядывать за дамами, которые могут забежать в конюшню, чтобы украдкой сделать маленькое и деликатное пи-пи или кое-что иное. И решил, что Алёна зашла туда именно за этим! Но какой смысл пакостить в благородной конюшне, если вон, за воротами шато, стоит сакраментальное здание с сакраментальными же фигурками?

Хотя, видимо, всякое случается. Возможно, были прецеденты, потому извращенец и устроился в укромном уголке. Интересно, он из персонала замка или турист? Да ладно, какая разница! Ничего компрометирующего Алёна все равно не делала, так что можно спокойно ехать домой.

Так она и поступила. Только спокойно не получилось – неприятный эпизод почему-то заслонил все эмоции, испытанные в Талле: и восторги, и волнения, и... Просто все!

Бывают же такие чувствительные натуры...

Ну и дуры!

Вторая половина XIX века, Китай

Император забыл о Лан Эр. Однако та не забыла своей неудачи, своего позора. Другая зачала бы от тоски – а вот цепкая, упрямая, как маньчжурская сосенка, Лан Эр решила... расцвести.

Каждой императорской наложнице в год полагалось 150 лянов в год¹² – на украшения и маленькие – совсем маленькие! – удовольствия. Но маленькие удовольствия были Лан Эр совершенно ни к чему. Ей требовалось кое-что побольше! На всякую ерунду Лан Эр драгоценные ляны тратить не стала, подкупила младшего евнуха Ши Цина, который был пристрастен к опиуму и которому, конечно, никогда не хватало денег на тайные посещения опиекурильни (за это можно живо распроститься с головой, однако Ши Цин готов был на все ради нескольких затяжек «волшебной трубкой»!), и тот несколько раз украдкой выводил Лан Эр из дворца. Путь ее лежал в квартал «чанцзя», квартал «домов певичек» – к тому дому, где обитала самая знаменитая городская проститутка Сун по прозвищу Слива Мэйхуа. Ходили слухи, что нет в столице никого искушенней, чем она, в искусстве любви. Многие аристократы просаживали целые состояния, только бы добиться ее благосклонности и изведать в ее объятиях неземное блаженство. Ведь она исчисляла свой род напрямую от немногих потомков Серебряной Фей! Госпожа Мэйхуа могла бы стать очень богатой, однако на севере, на берегах реки Мангун¹³, у нее было множество родственников, совершеннейших бедняков, которым Мэйхуа и отсылала почти все деньги.

Узнав про это, Лан Эр только губы презрительно скривила. Какая глупость! Она так даже и не вспоминала ни отца, никого иного из родных, а чтобы деньги на них тратить... Нет, право, доброта – самое невыгодное свойство характера!

А между тем именно из доброты – не такие уж большие деньги платила Лан Эр – госпожа Мэйхуа взяла ее в ученицы. Она просто пожалела свою землячку – ведь они обе были маньчжурками, затерявшимися в далеком и таком огромном городе. Из сочувствия госпожа Мэйхуа начала учить Лан Эр самым изощренным тонкостям своего ремесла, читая при этом старинные любовные стихи, которых знала великое множество:

Янь —
Мужчина,
Белый Тигр.
Он свинец,
Он огонь,
Это запад.

Инь —
Женщина,
Желтый Дракон,
Она киноварь,
Она вода,
Это восток.

Когда они сливаются,
Ртуть рождается —

---

¹² Около 400 долларов по современным меркам.

¹³ Одно из маньчжурских названий реки Амур.

Вечное начало всему.

Слива Мэйхуа была заботливой учительницей. Кроме того, ей все-таки льстило, что императорская наложница приходит к ней брать уроки... Сливе Мэйхуа казалось, что так император становится ближе к ней. Она думала: «Я вложу в Лан Эр свою душу и свою способность усладить мужчину. Сын Неба возьмет ее, но на самом деле он возьмет меня! Я, Сун, по прозвищу Слива Мэйхуа, приму семя драконов!»

Ну что ж, бедняжка Сун была слегка не в себе. Она слишком много думала о том, что ведет свой род от самой Серебряной Фей. Однако ее фантазии были вполне безобидны, а ремесло свое она знала очень хорошо.

Иногда Сун открывала заветный шкафчик и, приложив палец к губам, доставала оттуда шкатулку, обитую изумрудным шелком. В шкатулке, каждая в отдельном мешочке – они были разных цветов, и Мэйхуа знала наизусть, что в котором лежит, – хранились драгоценные статуэтки. Сун, которая, как известно, была не совсем в своем уме, говорила, что они достались ей через много поколений, но в незапамятные времена их вылепили с самой Серебряной Фей. Конечно, Лан Эр была не так глупа, чтобы в это верить. Тысяча лет статуэткам, что ли? Фигурки выглядели как новенькие!

Смотреть на них было очень интересно. Все они изображали мужчину и женщину в позах сладострастия, и Слива Мэйхуа подробно рассказывала Лан Эр, что в такой-то позе чувствует мужчина, а что – женщина, как соприкасаются «яшмовая пещера» и «нефритовый жезл», что может сделать женщина, дабы усилить страсть, продлить или ускорить соитие.

Сун обожала статуэтки и уверяла, что обязана им удачей своей жизни. Это были ее талисманы, божества, верные друзья... Доставая их из мешочков, она целовала сначала мужчину, а потом и женщину в голову и ласково здоровалась с ними, прижимая к груди. Женщину звали Фей, мужчину – Чжу, и Слива Мэйхуа часто рассказывала их историю Лан Эр, хотя та и без того знала ее наизусть: ведь в Маньчжурии все знают сказку о Серебряной Фей. И только одну статуэтку госпожа Сун никогда не целовала. Ту, что хранилась в белом мешочке и называлась «Летающий белый тигр».

Как-то раз Лан Эр спросила свою наставницу, почему эта статуэтка не пользуется ее любовью.

– О нет, – покачала головой Слива Мэйхуа, – я люблю ее. Просто... просто я прижму ее к груди в тот миг, когда задумаю проститься с миром живых. Я не собираюсь дожить до того времени, когда превращусь в сморщенную уродину или меня окончательно истерзают болезни. Пока-то я преодолеваю их, но лишь только мне надоест терпеть боль, сама поднимусь в небеса. И две эти фигурки будут моими провожатыми.

Госпожа Мэйхуа таинственно замолкла, убрала статуэтку в белый мешочек и больше, сколько ни допытывалась Лан Эр, не отвечала на вопросы.

Сун не оставляла без внимания ни одной мелочи в обучении своей землячки – начиная с того, как правильно одеться, а потом раздеться, чтобы возбудить мужчину:

Красавица на ложе
Раскинулась игриво.
Вокруг нее цветы, цветы стоят кругом.
Постель благоухает благовониями,
Курильница бронзовая источает ароматы,
От которых кружится и туманится голова.

Красавица снимает верхнее платье,

Потом настает черед тонкой рубашки.
И вот ее тело обнажено, ее дивное белое тело!
Оно прекрасно, ах, как оно нежно и прекрасно!
И кожа ароматней всех цветов, и губы приоткрыты.
И яшмовая пещера ее увлажнена желанием
Дарить наслаждение и наслаждаться,
А значит,
Готова принять нефритовый жезл...

Конечно, часто бегать на уроки Лан Эр не могла, но Слива Мэйхуа считала ее весьма способной и прилежной ученицей. И вскоре сказала, что Лан Эр вполне готова взять свое от жизни. Ведь, кроме искусства любви, Лан Эр стала сведуща в пении и танцах, выучила наизусть множество стихов, постигла секреты ухода за лицом и телом. Как-то невзначай выяснилось, что она прекрасно рисует. Лан Эр взяла да изрисовала стены своего домика орхидеями. А еще на клумбах близ своего домика, «Тени платанов», она посадила четыре сорта орхидей, чтобы цвели в любое время года.

И вот она пошла проститься со своей наставницей. В подарок ей Лан Эр взяла ветку прекрасной белой орхидеи.

В доме госпожи Мэйхуа было полутемно. С трудом Лан Эр разглядела хозяйку, которая лежала на постели. Она была облачена в свой любимый наряд, в котором сочетались четыре цвета: белый – цветущей сливы, желтый – мелкой ароматной сливы, которая растет в Маньчжурии, темно-красный – как слива в период созревания, и почти черный – цвет переспелой сливы. Лан Эр восхитилась вкусом госпожи Мэйхуа. Но только собралась выразить свой восторг, как увидела, что ее учительница мертва.

Да-да, она лежала бездыханна, и смерть уже коснулась рукой ее лица, оставив на нем темные тени.

Левая рука Сун лежала на груди, в вырезе платья, и что-то крепко сжимала. Лан Эр посмотрела – и узнала статуэтку под названием «Летящий белый тигр»! Она уютно устроилась на мертвой груди, которая еще недавно была такой горячей, а потом похолодела.

Пальцы другой руки госпожи Мэйхуа держали белый мешочек. Лан Эр сразу узнала его – в нем еще недавно лежала эта статуэтка.

Дрожа от страха, Лан Эр вынула мешочек из мертвой руки, а затем, взяв двумя пальчиками статуэтку, спрятала ее туда. Потом еще постояла, глядя в застывшее лицо госпожи Мэйхуа, молча спрашивая – и словно бы читая ответ в неподвижных, слегка искаженных мучительной судорогой чертах...

Потом она вознесла молитвы своим предкам, моля их о покровительстве, поручила себя также и заботам Серебряной Фей – и подошла к шкафчику, где хранилась заветная шкатулка.

Та была на месте. Недолго думая, Лан Эр вложила туда белый мешочек, снова заперла шкатулку, спрятала ее под полкой и поспешно вышла из домика.

Опустив голову, возвращалась она во дворец, но ошибся бы тот, кто решил бы, что Лан Эр плачет. Лицо ее было нахмуренным и сосредоточенным. Она пыталась осмыслить случившееся... и молила всех богов, чтобы догадка, которая открылась ей, была верна... еще думала, что после смерти госпожа Мэйхуа принесла ей ничуть не меньше пользы, чем при жизни...

Наши дни, Франция

Вот так всегда – стоит заикнуться на какой-то неприятной мысли, как все начинает идти вразнос. Как будто приоткрывается некая щель в мироздании – и все гадости, которые там скопились, но до поры до времени как-то стеснялись усложнять твою и без того сложную жизнь, кидаются в нее толпой.... Конечно, всем неприятностям проскользнуть не удастся, но зато успевает пара-тройка самых ретивых – и самых омерзительных.

Такой пакости да еще дважды подряд Алёна от судьбы и от любимого Муляна никак не ожидала!

Все началось утром, когда наша героиня отправилась на обычную пробежку по окрестностям. День был пасмурный, небо нависало низко, в тучах копился дождь. В подобную погоду Алёна любила бегать не по увалам и лощинам – там становилось жутковато. А уж когда ветер вдруг начинал перебирать желуди на дубовых ветвях или со свистом вырываться из-за поворота, оживали воспоминания о призраке велосипедиста, и, несмотря на то что эта история кончилась относительно благополучно¹⁴, по спине Алёны начинали бегать мурашки, так что все удовольствие от прогулки было смазано.

Слишком часто попадала писательница в Муляне во всякие немислимые переделки, отчего тот вполне заслужил от нее прозвище «криминальной деревни». И все же она любила, отчаянно любила эту бургундскую деревушку и всегда была рада случаю снова оказаться там.

Все окрестные дороги были ею избеганы и хорошо знакомы, и сегодня Алёна из-за нервозности, связанной с пасмурной погодой, отправилась вдоль железнодорожного полотна, которое проходило километрах в трех от Муляна. Цивилизация рядом, никаких страхов-ужасов, ни один призрак не выдержит такого соседства! Вдоль узкой асфальтовой полосы с интервалом в четверть часа проносились скоростные поезда, похожие на серых двуглавых, обоюдоострых змей, издававших при движении пронзительный шип. Плетки ежевики там и сям выползали на дорогу, словно змеи. У Алёны каждый раз невольно падало сердце при виде их. А еще ей попала на дороге змея – длинная и серая, как веревка. И прыжок нашей героини через нее вполне мог быть занесен в Книгу рекордов Гиннеса. Хотя не исключено, что там в самом деле валялась именно веревка, но так Алёна решила по здравом размышлении и довольно далеко от того места. Разумеется, она не стала возвращаться, чтобы проверить.

Странно, с чего вдруг сплошные змеиные ассоциации ей в голову лезут? Буйное воображение заставило Алёну более пристально всматриваться в обочины.

Роща, мимо которой она бежала, закончилась. Чуть поодаль лежал заброшенный карьер, отделенный от дороги какими-то просто глобальными зарослями ежевики. Ягода сейчас, в середине августа, в самой поре, отчего кусты казались более черными, чем зелеными.

Переспелая ежевика – это вкусно. Сейчас ею все уже порядком наелись, однако Алёна вместе с Лизочкой и Танечкой, дочками ее друзей, Мориса и Марины Детур, все равно каждый день надевали длинные толстые перчатки – а как иначе с ежевикой-то обходиться? – и обшаривали небольшие заросли в огромном саду возле мулянского дома. Как правило, ягоду съедали сразу (с сахаром и молоком или без сахара, но с мороженым – чудесный десерт!), ну а если удавалось набрать и в окрестностях, она шла на пироги из овсяной муки, которые виртуозно пекла Алёна. Не сказать что наша героиня так уж любила готовить, но в Муляне на нее снисходило некое кулинарное вдохновение, как говорил Морис..

Здесь можно было бы набрать ежевики ведро, причем даже не углубляясь в заросли – с крайних, удобных веток. Останавливало Алёну лишь то, что перчаток и ведра у нее при себе не имелось. Хотя ведь тут всего в полусотне метров железнодорожное полотно... Вряд ли ягоды

---

¹⁴ Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Ведьма из яблоневого сада», издательство «Эксмо».

экологически чистые. А вот сзади, метрах в двадцати, в лесу со стороны карьера, наверняка почище. Может, уговорить Мориса приехать сюда на машине, прихватив ведро? Без проблем удалось бы набрать на немалое количество джема...

Алёна решила посмотреть, есть ли там вообще ягода-то. Может, не одна она такая умная и шустрые бургундцы-муляны уже освоили эту плантацию? А то придут с Морисом к разбитому корыту...

Наша героиня ступила на обочину и начала обходить кусты. Запах стоял сладкий-сладкий, вкусный-вкусный! Шмели носились над кустами, потому что на верхних, выше человеческого роста, ветках еще белели мелкие ароматные цветы. Ежевика разом и цвела, и переспевала – чудеса! Не удержавшись, Алёна шагнула ближе, сорвала ягоду, но неосторожно переступила – и зацепилась краем шорт за выступающую плоть. Та мигом вцепилась в джинсу, как голодный зверек. Алёна начала ее отцеплять, укололась, выпустила из руки ветку – и плоть с размаху хлестнула ее по голым ногам. Любительница вкусенького отпрянула, взвизгнув. Сзади откуда ни возьмись вывалилась еще одна ветвь и тоже хлестко прошла по ногам. Алёна пошатнулась – и навалилась на куст плечом. Несколько колючих лап мигом вцепились в майку, в голые руки...

Держидерево, ну самое настоящее держидерево! Ветви цепляются с такой жадностью, как будто изголодались по человечине!

Воображением писательница Дмитриева отличалась крайне буйным, иначе и не была бы писательницей. И панике склонна была поддаваться. Вот и сейчас, едва родился жуткий образ, она рванулась из объятий плотоядной ежевики – и одним прыжком выскочила на дорогу, даже не почувствовав боли, зато как ожгло болью через минуту! А при взгляде на собственные руки и ноги, покрытые извилистыми кровотокающими царапинами, ей стало просто худо.

Ну и ну... Жаркое лето на дворе, а тут такая картина... И даже не маслом, а кровью!

Ничего, крем «Спасатель», привезенный из России – с любовью, само собой, а как иначе?! – поможет. В два, максимум в три дня все заживет. На ней все с детства заживало как на собаке, по расхожему выражению. И вообще, дело могло быть хуже, если бы ветка вцепилась в лицо, философски рассудила Алёна.

Интересно, какой бес нарисовался в то мгновение за ее левым плечом и подслушал эту мысль?! Причем ведь, мелкий пакостник, подслушал – и не сразу начертобесил, а затаился. И сидел где-то в своем чертовом пекле, или где они там, бесы, сидят в свободное от работы время, и вынашивал планы, и строил козни, и предвкушал наслаждение, которое приберег на вечер...

День прошел более или менее нормально, причем было не так чтобы смертельно жарко, полупрозрачная блуза из марлевки с длинными рукавами и легкие льняные брюки очень хорошо скрывали повреждения, нанесенные лилейному Алёнину телу, обмазанному спасительным русским кремом.

– Слушай, а мы хотели тебя попросить завтра поехать с нами в Тоннер, в бассейн, – грустно сказала за ужином Марина, узнав о ранах приятельницы. – У Мориса урок поло, у нас с Лизочкой – плавание с тренерами, а Таня одна остается, за ней нужно присмотреть. Вот прямо, как назло, все наши уроки в одно время сошлись...

– Ничего, я поеду. Подумаешь, царапины! – героически сказала Алёна. – Залезем с Таником в лягушатник, никто их под водой и не разглядит.

На сей оптимистической ноте закончили ужин и пошли наверх – ванная помещалась на втором этаже, – купать девчонок перед сном. Этот веселый и шумный процесс уже почти закончился, когда Марина спохватилась, что забыла взять пижамы дочерей.

– Я схожу, – предложила Алёна.

– Они в спальне на Лизкиной кровати, – пояснила Марина.

Алёна вышла из ванной и включила свет на лестнице. На дворе еще было светло – всего девять вечера, – но ставни уже затворили на ночь, так что вокруг царил почти полная тьма. Ну

некого, совершенно некого, кроме нашей героини, спрашивать, почему она не включила свет и в спальне, а пошла к Лизочкиной кровати наугад. И врезалась – другого слова не подберешь! – лицом в распахнутую дверцу шкафа.

Ее никогда и никто не оставлял открытой, наверняка тут не обошлось без происков нечистой силы, и именно ее помянула Алёна полным набором всех инвективных и неформальных выражений, которые ей были известны. А поскольку она была все же писательницей, мастером слова, не побоимся этого слова, то знала их немало, так что перечисление заняло изрядное количество времени, Марина даже крикнула нетерпеливо:

– Алёна, ну где там пижамы?!

– Иду, – проскрипела Алёна и вошла в ванную.

Марина и обернутая в полотенце Лизочка остолбенели и онемели.

– А ты не видела принцессу? – кричала Танечка, все еще сидевшая в ванне спиной к Алёне.

Никто из взрослых не знал, что там была за принцесса и почему Лиза должна была ее видеть, но девчонки беспрестанно про нее болтали, неистово хохоча, и по условиям игры отвечать почему-то следовало: «Какой ужас!»

– Какой ужас, – сказала Лизочка тихо, но сейчас ее слова, кажется, не имели отношения к игре.

Танечка обернулась и испуганно вскрикнула.

– Боже... – протянула Марина.

– Ну, это вряд ли, – усмехнулась Алёна. – Скорее черт.

– Ты говоришь иногда – «черт подери», – плаксиво проговорила жалостливая Танечка. – Тебя черт подрал, да?

Алёна с Мариной переглянулись – и начали хохотать. Ну и востры же нынче пошли дети!

Ну да, им бы только над чем-нибудь посмеяться. Нет чтобы сразу бежать к холодильнику, хватать лед, прикладывать к разбитой физиономии... Куда там! Они хохотали!

Сказки дальних стран и далеких времен

Долго прикладывал Чжу к своим ранам целительные листья. Но не столько боль терзала его, сколько тоска – по Серебряной Деве, высоко в небесах летящей.

Летящая Фей. Серебряная Фей!

О, разве мало видел он жен и дев? Отчего ж ни разу не возмечтал сделаться стрелой, без промаха цель поражающей? Отчего при одном только воспоминании о небесном объятии вновь скрутила его страстная судорога, сбила с ног, заставила искать поцелуев цветов и объятий трав?

Настала глубокая ночь, все стихло и уснуло, только ветер никак не мог успокоиться да Чжу метался по лесу, словно смертельно раненный единорог, когда тихо и сладострастно усмехнулась белая орхидея у его ног. От озера донесся хохот розовых лотосов. И слива, трясясь от смеха, осыпала его лепестками, хотя было вовсе не время ее цветения.

Кидался Чжу туда-сюда, обезумев, всюду чудилась ему Серебряная Дева. И когда цветок магнолии приник к его лицу, дрожа от веселья, Чжу смял его губами и ладонями. Но... округлился, потеплел цветок в руках его.

Открыл Чжу измученные глаза.

Что это? Кто в его объятиях?

Брови – крылья зимородка, лицо словно бы умыто настоем орхидей и белых лотосов, стан – свиток дорогой ткани атласной. Синий шелк одеяний струился, словно туман, складки были запахом цветов полны. В волосах заколка из фиолетовой яшмы с изображением серебристой птицы...

– Меня зовут Серебряная Фей, – промолвила она.

– Я знаю, – тихо ответил Чжу, не разжимая рук. Испугался: вдруг она снова обернется цветком, звездой, усмешкой, улетит, исчезнет?!

– Жребий неба пал на тебя, – сказала Дева, не сводя с него затуманенных глаз. – Хочешь ли ты, чтобы я осталась с тобой?

Сизый туман сползал с ее плеч. Одежды ее стали прозрачными, словно вода в горном потоке. Она тихонько вздохнула, когда истаяли преграды между ладонями Чжу и ее станом, а вдали, на горе Фэньшань, отозвались на ее вздох девять колоколов. Каждый год, едва приходила «белая осень» и выпадал иней, они начинали тихонько звенеть сами собой, но впервые со дня сотворения мира отозвались дыханию страсти.

– Мне чудится, если мы будем долго смотреть друг на друга, подобно белым лебедям, дети у нас могут возникнуть только из пламени взоров, – произнес Чжу, не слыша своих слов и не ведая, что говорит.

Она струилась за шелком одеяний своих вниз, вниз, и Чжу, смертельно боясь отпустить ее, тоже склонился долу. В миг поцелуя показалось ему, что он и Серебряная Фей стали созвездием Сюань-у – ведь оно изображает двоих, слившихся воедино!

Взошел полумесяц над ними, и был он прозрачнее белого шелка.

Поселились Чжу и Серебряная Фей во Дворце Вечной Ночи, что издревле воздвигнут для нежных утех. Едва проглядывало дневное светило, как Фей заливала солнечный костер слезами, чтобы не мешал, и вновь Небесные Часы струили время их любви.

Но однажды, в полудреме на серебряном плече, услышал Чжу шаги поодаль. Чья-то тень мелькнула среди диких смоковниц. Схватился Чжу за пояс – ох, нет ни пояса, ни ножа! В случае беды чем защитить возлюбленную? Оружие, что годится для сладострастной битвы, в настоящем бою лишь помеха!

Пригляделся Чжу пристальней – и вздохнул облегченно: да ведь это всего-навсего старушка древняя! Но куда идет она? Почему так глубоки и тяжелы ее вздохи? Что гнетет и заботит ее?

Подкрался Чжу поближе и спросил из зарослей, словно горный дух Уло, что ходит с поясом из повилики, ездит на упряжке из барсов:

– Пусть помогают тебе боги, матушка! Что ищешь ты? Открой свою печаль!

Старушка вздрогнула, закрыла лицо рукавом. Но тотчас руку опустила, сказала, скрывая свой страх:

– О горный дух! Не встречал ли ты Чжу-травозная, который много-много лет назад ушел в твои владения и не вернулся?

– Много лет назад?

– Да. Я была его нареченной невестой, имя мое – Ай. Он исчез, когда мне было шестнадцать лет, а теперь... О горный дух, если Чжу еще жив, передай ему – не отступают от людей злые хвори, а никто лучше Чжу не знал таинственных свойств лечебных растений. Пусть воротится он в дом свой, пусть снова больных исцеляет!

Пошла Ай дальше, а Чжу остался стоять, словно слова ее спутали ему ноги. Вот как далеко ушел он путем любви!

Неслышно возникла рядом Серебряная Фей, коснулась его плеча теплыми губами.

Глянул Чжу на ее светлый лик:

– О Фей, зовет меня дом, зовут люди. Пойдешь ли со мною – или останешься здесь, ждать наших новых свиданий?

Чуть нахмурилась Серебряная Фей, но тут же и усмехнулась:

– Я бы ждала тебя, да сердце ждать не может. Всякий день без тебя будет мне бесконечен, словно три осени сряду.

Схватил Чжу ее за руку:

– И мое сердце замрет в разлуке с тобой! Согласна ли ты называться моей женой?

Тронула Фей сухую ветку – та задымилась.

– Смотри – если дымок поднимется ввысь, ты пойдешь один, а я вернусь в небесные покои. Если расстелется дым по земле, и я расстелю судьбу свою тебе под ноги.

Затаил дыхание Чжу, затаила дыхание Фей. Задрожал дымок и прильнул к земле...

Наши дни, Франция

Когда утром Алёна встала на пробежку и прокралась в ванную умыться (за хлипкой скрипучей дверью чутко спала Танечка), то чуть не зарыдала, глядя на себя в зеркало. Опухоль-то спала (благодаря все тому же «Спасателю»), но вокруг одного глаза интенсивно сияло то, что французы называют очень деликатно – *un bleu*: синий, голубой. И оно было как раз того цвета, как Алёнина рубашка из марлевки, надетая маскировки царапин для. На «Голубых танцовщиц» Дега наша героиня, конечно, не тянула, но все же *bleu* тон а активно преобладали в ее облике.

Конечно, если надеть самые широкие очки, прилегающие к лицу, пресловутого *un bleu* видно не будет. На улице, правда, довольно пасмурно, в очках Алёна будет выглядеть довольно странно... Да и ладно, может, солнце еще выйдет. А кроме того, в глазах трудолюбивых и милых, но довольно ортодоксальных бургундцев-мулянцев она со своими пробежками и так выглядит немножко *la folle* – сумасшедшей.

Что ж, каждому свое: кому пшеницу сажать-убирать, кому детективчики писать и по бургундским дорогам бегать...

– Ты уверена, что мы можем поехать в бассейн? – не без робости спросила Марина, когда после завтрака начали собирать вещи.

Морис поглядывал на гостью с нескрываемой жалостью. И ворчал, мол, даже он знает, что при ударе нужно немедленно прикладывать лед, тогда синяка может не быть... а вы обе такие безответственные... и вот – пожалуйста...

– Конечно поедem! – лихо ответила Алёна, которая, при всей своей безусловной безответственности, была человеком очень ответственным, а потому не могла допустить, чтобы любимые ею люди, можно сказать, ее семья, лишились такого удовольствия. – Надеюсь, нас не завернут от *géspection*. Только бы дежурная не испугалась...

Столик при входе в бассейн миновали, впрочем, совершенно спокойно: дежурной на месте не случилось. Поскольку чуть припоздали, промчались на рысях в раздевалку, где никого тоже не было. Точно так же пустовали туалет и душевые. И вот четверка наших дам, предводительствуемая Морисом, вступила под своды основательной и респектабельной писины (извините, но именно так, *la piscine*, в женском роде, называется по-французски плавательный бассейн), состоящей из трех отсеков – для взрослых, для детей и для малышни. Народ из окрестных городков и деревень собирался сюда тоже самый респектабельный.

И вот вообразите картину, которая открылась многочисленным буржуазным взорам: впереди шествуют Морис с Мариной – оба стройные, даже худые, в консервативных темных, дорогих купальных костюмах, олицетворение бонтона и комильфо; за ними идут две хорошенькие, как ангелочки, девочки в закрытых купальничках (во Франции, надо сказать, считается жутко неприличным девочкам, даже самым маленьким, щеголять с голой грудью... лифчики там начинают носить чуть где что проклянется); а замыкает процессию высоченная и фактурная (бедра, бюст!) особа с разбитой физиономией, фингалом под глазом и кроваво исцарапанными ногами, которые вдобавок начинаются от ушей. И с руками хоть и не от ушей, но тоже в полосочку.

Проститутка-уголовница! Где такую нашли? Наверное, русская!

Да, Алёна ничуть не сомневалась, что все посетители бассейна мигом определили ее национальность. И опять благодаря ее внешности.

Вздернув подбородок – у советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока! – и сдерживая смех (плечи идущей впереди Марины аж тряслись по той же причине, да и Морис порой оглядывался и хитро подмигивал), Алёна довела Танечку до лягушатника и там уселась

в самом глубоком местечке, где вода доходила ей, сидящей, аж до груди. Исцарапанные колени поднимались над водой, блики играли на un bleu... Красотища! Неудивительно, что все, кто проходил к дверям во двор (здание было окружено лужайками с мягчайшей постриженной травкой, там можно было посидеть в шезлонге или поваляться прямо на траве, а потом, пройдя строгую систему душей и водных дорожек для ног, снова вернуться в бассейн) или возвращался оттуда, так и пилились на русскую уголовницу. А та сначала встречала прямо и открыто каждый устремленный на нее любопытный взгляд, но потом отвернулась – ей надоело строить из себя героиню фильма «Посол Советского Союза». Тем более что Танечке требовалось внимание: девочка съезжала с горки и желала, чтобы Алёна ее ловила.

Это было упоительное занятие для них обеих, они и не заметили, как миновал оплаченный час, и Морис замахал своей команде: пора, мол, двигать домой.

Алёна уже совершенно спокойно прошла сквозь строй взглядов, и скоро вся компания загружалась в машину, готовясь вернуться домой.

– Какие есть предложения? – спросил Морис.

В тот момент он выруливал из переплетения вполне средневековых улиц Тоннера. Автомобиль медленно проехал мимо самого любимого Алёной здания – дворца Крюсселей. Некогда в этом доме родился Шарль Д'Эон, один из загадочнейших персонажей русской и французской истории, не то мужчина, не то женщина (он принимал то один, то другой образ в зависимости от того, какие цели преследовал: как женщина соблазнил короля Людовика XV, как мужчина – императрицу Елизавету Петровну, а уж менее значимых побед в ипостасях обоего пола на его счету не считано). Здесь был музей, и толпа туристов уже окружила дом, ожидая открытия. Проехала мимо машина окружной жандармерии, вернулась и стала чуть поодаль.

– Хотят ли дамы сразу в Мулян или...

– Или что? – полюбопытствовала Алёна, поправляя очки.

– Сегодня воскресенье, – с таинственным видом напомнил Морис. – Все достопримечательности работают, все рынки, всё вообще!

– И что? Поедем в какой-нибудь замок? – спросила Марина. – Или на пюс?

Всем известен Marché au Pucier – Блошинный рынок. Это название самого крупного рынка подержанных и антикварных вещей в Париже. Но pucier, пюсы, многочисленные «барахолки», по воскресеньям открываются чуть ли не на каждом рынке, в каждом квартале Парижа и в других французских городах и деревнях. Иногда они превращаются в целое событие для округа. И такие местные пюсы, которые по-другому называются vide-greniers, то есть «опустоши чердаки», Морис и Марина старались не пропускать. Очевидно, они уже наметили маршрут и на сегодня.

– А Талле нам не по пути будет? – нерешительно спросила Алёна. – Я бы еще туда заглянула. В прошлый раз экскурсию сократили: была закрыта выставочная комната – какой-то срочный ремонт понадобился, да и фрески в Башне Лиги обвалились.

– Серьезно?! – ужаснулся Морис. – Надеюсь, вас в то время там не было?

Марина перехватила взгляд Алёны в зеркальце (Марина сидела впереди, рядом с мужем, а Алёна на заднем сиденье, с девочками) и подмигнула подруге.

Им было что вспомнить! Два или три года назад наши дамы были отвезены Морисом на экскурсию в Шамбор. Поскольку сам он осматривал знаменитый шато Франциска I не раз и не два, ибо родом был из близлежащего Тура (о чем свидетельствовала даже его фамилия – Детур, Detours, как бы «Из Тура»), то решил вздремнуть в машине. Дамы же от достопримечательностей реки Луары (осматривали уже четвертый замок подряд!) до того устали и проголодались, что тоже решили пофилонить и контрабандно сбегать в «Макдоналдс» на заднем дворе замка. Сия «едашня» Морисом жестоко презиралась, и вход туда для семьи был настрого запрещен. Даже произносить название быстро было нельзя – между собой его называли «плохое место».

И надо же такому случиться: в то время, когда Марина с Алёной поедали бигмаки и американские пирожки, запивая фантой (фастфуд бывает иногда все же клинически вкусен), в какой-то там опочивальне в Шамборе обвалилась лепнина с потолка. Никого не задавило, к счастью, но известие об этом немедленно было передано по радио и телевидению. И вот вообразите себе триллер: Морис дремлет в авто, слушая классическую музыку, как вдруг звучит сообщение, что рухнул потолок (так и было сказано сначала) в замке, в котором находились его обожаемая жена и ее лучшая подруга!

Дамы, счастливые, сытые и совершенно ни о чем не подозревающие, выходили из «Макдоналдса», чуть ли не поглаживая сытенькие брюшки, как вдруг завидели Мориса, который мчался к замку, даже не замечая двух наших преступниц.

– Граф изменившимся лицом бежит к пруду, – хихикнула Марина. А потом забеспокоилась: – Что это с ним?

Они побежали следом, окликнули Мориса – и были просто поражены тем, с какими пылкими поцелуями тот на них накинулся. Потом рассказал жуткую историю про обвалившийся потолок, ну а дамы на голубом глазу уверили его, что катастрофа случилась уже после того, как они покинули Шамбор.

Пошли к машине. Вдруг Морис остановился.

– Девочки, не презирайте меня, – сказал он жалобно. – Я от стресса так проголодался, что сейчас рухну в голодный обморок. Да и вы, наверное, тоже. Пойдемте поедим, а?

– А куда? – невинно спросила Марина.

– Да хоть в «Макдоналдс»! – в отчаянии воскликнул Морис, глаза у которого горели голодным вампирическим пламенем.

– В плохое место?! – ахнула Марина. – Да никогда в жизни! Правда, Алёна?

– Никогда, – лицемерно поддержала та. – Вы идите, Морис, а мы вон там мороженое съедем.

И он, бедняга, пошел, ужасно себя презирая... А наши коварные интриганки просто посидели и похихикали на лавочке, потому что ничего, даже чудесного швейцарского мороженого «Ben & Jerry's Mocha Swiss Chocolate», уже не могли втолкнуть в свои переполненные животики.

Но, что характерно, с тех пор отношение Мориса к «Макдоналдсу» ничуть не изменилось в лучшую сторону. Напротив – даже еще усугубилось! Так что Марине с Алёной приходилось еще сильнее конспирироваться, когда они решались посетить «плохое место».

– Да нет, фрески обрушились в Талле раньше, – сказала сейчас Алёна, сдерживая предательски расплывающиеся в улыбку губы, – до моей экскурсии. Но обещали, что комнату и башню вот-вот откроют снова...

– Наоборот, – покачал головой Морис. – Ближайшие несколько дней замок будет вообще закрыт для посещений, потому что там кто-то умер, какой-то посетитель. Я слушал радио, пока переодевался после бассейна. Кстати, это случилось именно в тот день, когда вы там были, Алёна! Вы с моей женой просто притягиваете какие-то невероятные и неприятные происшествия.

– Так что ж мы сидим? – нетерпеливо воскликнула Марина. – Давайте послушаем радио, скоро как раз начнутся новости!

– Давайте лучше вон в то бistro зайдем, – предложил Морис. – Тогда мы сможем посмотреть новости по телевизору.

– Одно другому не мешает, – резонно заметила Марина и включила приемник.

Начало 20-х годов XX века, Россия

Из дневников и писем графа Эдуара Талле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.